

КРОКОДИЛ

№26

1980

ISSN 0130-2671

— Ты куда, механик?
— В город за запчастями.

Рисунок Б. САВКОВА

ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО

Хорошее было лето. И солнышко, и дождей в меру. Рыбалкой не увлекается? А я весной купил телескопическую удочку: снасть легкая и удобная. Коленки входят одно в другое, как у антенны трансistorного приемника. Представляете, короткая дубинка за две секунды вытягивается в пятиметровый хлыст.

Демонстрируя новинку домашним, я высадил концом удильца два стекла в кухонном окне. Внешнее и внутреннее. Случайно. Стекла порядочные: семьдесят восемь на метр сорок два. Немного огорчился, конечно, но заметил, что тренироваться с забрасыванием удочки на дому стало удобнее. Тогда я перешел в большую комнату и вышиб все стекла там, уже не случайно, а намеренно. Ну, стало совсем здорово. Я махал удочкой вправо и влево, подсекал и вытаскивал воображаемую рыбу.

— Папа, довыбей-ка еще этот осколок, а то удочку поцарапаешь, — посоветовала дочка.

— Или, не дай бог, сам порежешься, — добавила жена.

Стекло приятно хрустело под ногами. Было весело и прохладно.

— Эк, изоврался, — уличит меня читатель. — Махровая отсебятина, сценка из жизни чокнутых. Читать гадко.

Винюват. Да, не было. Да, наивдумывал. Но толкнуло меня на мой фантастический демарш письмо И. Борисова из г. Орехово-Зуева:

«Живу в районе новостроек вот уже третий год и все это время вижу одну и ту же возмутительную картину.»

Строят дом. К тому времени, когда начинают второй этаж, на первом уже побиты все стекла в окнах. Берутся за третий — выбивают во втором.

Когда дом выстроят, его застеклят заново...»

— А вот этот товарищ не врет, — удовлетворится читатель. — Такое и у нас творится. Только ж это строители бьют, не квартиро-съемщики.

Стоп! А кто же он такой, строитель? Питекантроп, дедил, Аттила? Нет же, в основе своей строитель — такой же нормальный человек, как и все. Он и сам где-то проживает и, будьте уверены, свои окна блюдет и, возможно, даже моет два раза в год: к майским и октябрьским праздникам.

Откуда же такая молодецкая удаль, такой ушкунный размах на рабочем месте?

Ясно же откуда: от разгильдяйства, которое, в свою очередь, происходит от полнейшей неконтролируемости, от сытой уверенности: все могу, и ничего-то мне за это не будет.

Девятилетнего отрока, впервые насладившегося звоном собственноручно выбитого стекла, родители теперь не порют: времена пошли гуманные. Но все равно как-никак наказывают, оставляя без сладкого или без телепередачи «Фильм — детям». А если отроку восемнадцать и более, если, став строителем, бьет он стекла вполне легально без страха и упрека? Его чем обуздать?

Напрашивается примитивное решение: штраф. Вычет, как с бракодела.

Лишены строительно-монтажные управления такого права, только через суд. Но не забавно ли заводить дело о выбитом стекле? Дел таких возникнет, пожалуй, не сотни тысяч — миллионы (страна наша — одна великая стройка, второкласснику известно). Значит, давайте срочно строить помещения для миллионов судебных заседаний. А помещения, естественно, с окнами...

И у СМУ остается единственный способ карания громилы: погрозить ему издали пальчиком, но вроде бы не

всерьез и ненадолго, потому что возьмет да и обидится промила, да и накает твердым почерком явление по собственному желанию. А строитель нынче дефицитней стекла, и, крихтя, ежечасно раскидывают мозгами СМУ: вот положено на бой вовсе не сто, а пять процентов, где же наскрести разницу?

«Интересно, на какие средства это все делается?» — спрашивает в своем письме И. Борисов. Так на государственные, на какие же еще. Не побегут, толкаясь, взапуски в магазин «Хозтовары» прорабы и мастера и пухлые бумажники из широких штанин доставать не будут. Куда радостней составить акт да и потрясти государственную мощну. Не мы, чать, первые. Ох, и не последние.

Кто подтошнее, спросит: а зачем же деревообделочные комбинаты шлют строителям рамы и прочую столлярку с уже вставленным стеклом? Вот ежели б это стекло приберечь, а вставить потом уж, перед отделочными работами? Не разумнее разве?

Да ведь так наши лапотные прадеды работали, те самые, которые по бедности

вели счет стройматериалам, а дедов наших за разбитое окошко секли розгой. Просто неприлично как-то оглядываться на них, консерватизмом пахнет.

Нынешний метод чем прогрессивен? А тем, что строители в момент могут из готовых уже деталей возвести дом, очень экономя время и рабочую силу.

А для чего экономить время? Чтобы успеть вставить стекла по второму, а то и по третьему разу.

А для чего экономить рабочую силу? Чтобы кинуть ее на эти самые стекольные работы.

Такая получается карусель, грустная и нелепая. А впрочем, что стекло? Штука хрупкая и ненадежная, как бы самой природой предназначенная для побития.

Продолжим лучше о лете. Славное лето было. И солнышко, и дождей в меру. А вы еще не отдыхали? И не знаете, куда поедете? Ну, для меня такой проблемы не существует. Лично я отдыхаю в трехстах двадцати метрах от дома.

Живу я в Москве, на Коровинском шоссе, аккуратно напротив платной автомобильной стоянки. И стоит

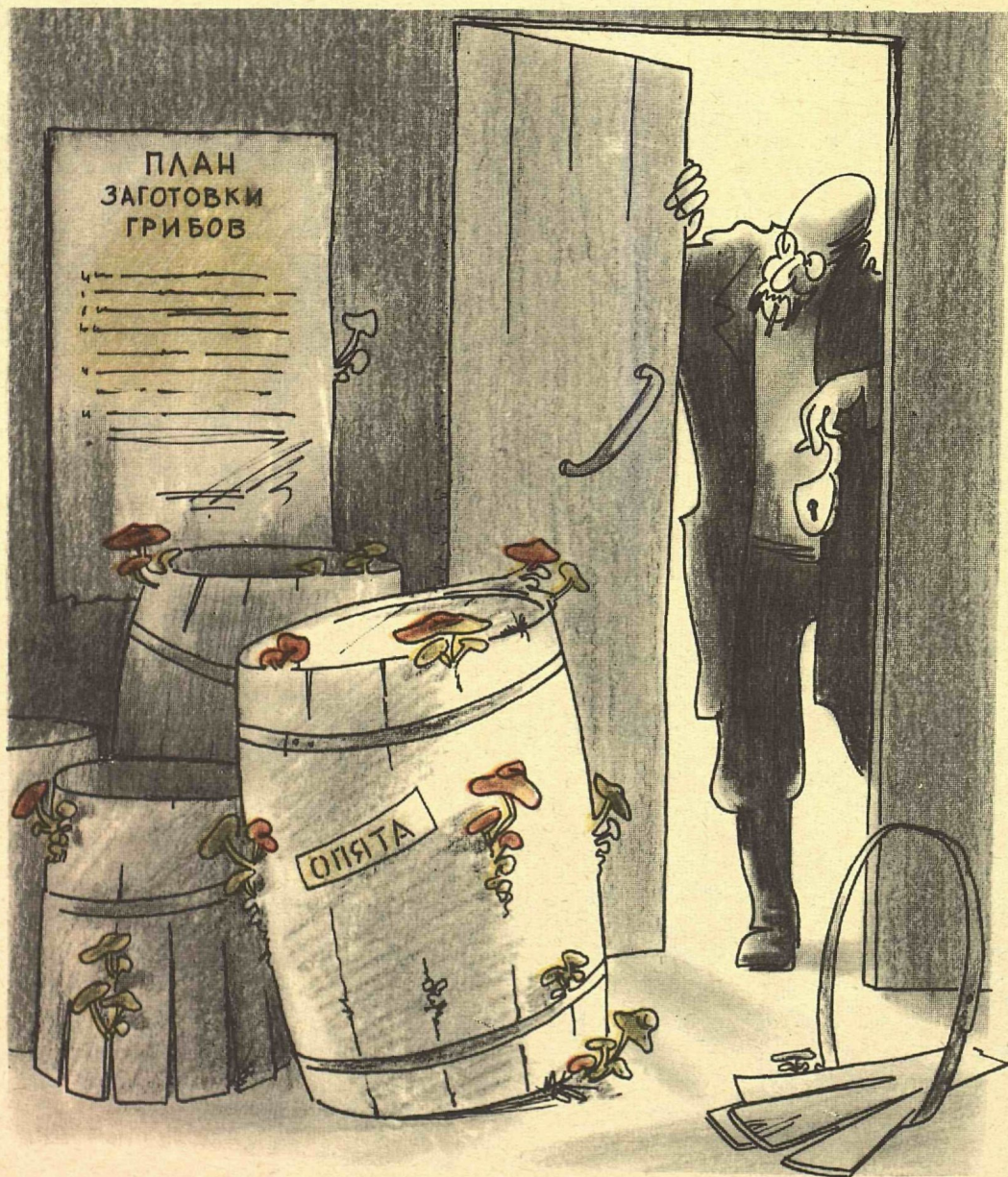
мне только обойти автостоянку с тыла, как я попадаю в великолепные необжитые места, райский уголок.

На площади в квадратный километр раскинулись рукотворные скалы и ущелья, плоскогорья и каньоны. Буйствует растительность, стройный иван-чай прикрывает вход в уютные гроты, заросли пижмы и сурепки радуют взор отдыхающих. Жужжат жужелицы. Попискивают трясогузки и прочее пернатое ассорти.

Когда-то тут были выброшены сотни тонн так называемого строительного мусора: отнюдь не хрупкие панели и плиты, кирпич и бетон, цемент и арматура. Брак, некомплект и просто излишки — все свалили в кучу, кое-что закопали, кое с чем не справились и оставили природе для дальнейшего освоения. Вот и образовались живописные цветущие отроги.

Ходят слухи, что скоро это урочище будет включено в туристские путеводители под названием «Коровинская Швейцария», как своеобразный архитектурно-природный памятник строительному варварству.

Святослав СПАСКИЙ.

— Ну вот, и собирать не надо!

Рисунок
В. МОХОВА

Наука веселась. Она только не может защититься от слабых диссертаций.

Объявление: «Меняю бремя славы на ореол».

В очереди за пивом всегда можно узнать, где раки зимуют.

Крылья любви помогают только на коротких дистанциях.

Из двух зол выбирают более красивое.

В. ЛОМАНЬИ.

Официальный киднап

Глумясь над всеми нормами международного и гражданского права, американские власти незаконно задерживают в США двенадцатилетнего Володю Половчака, препятствуя ему вернуться на Родину вместе с родителями — советскими гражданами.

Льет патоку за океаном радио,
Взахлеб медоточат газеты сплошь:
Мол, Штаты — ах! — синоним демократии.
Мол, Штаты — ох! — откальвай, что хошь.
А вот еще аспект демократический:
К неслыханному горю мам и пап,
Там бизнес процветает специфический
С бесхитростным названием «киднап».
Расшифровать название подобное
Возможно без особенных затей:
«Киднап» не мармелад, не тесто сдобное,
А просто «похищение детей».
Посланье шлюет отцу создателя юного:
«Гони монету, а не то — беда...»
Но гангстеров недавно переплюнули
В судейских одежках господа.
Ареопак сановных похитителей
Возжаждал удивить весь белый свет:
Ребенка оторвали от родителей,
А мальчугану лишь двенадцать лет.
Семья советских граждан возвращается —
К досаде своих недругов — домой,
И вот мальчишка срочно похищается
Не гангстером — Фемидой самой.
Законница становится посмешищем —
Храня высокомерный, важный вид,
Она о «политическом убежище»
Для мальчика назойливо шумит.
Блеснули крючковатые расторопные!
Прославилась властительная рать!
А почему б «убежище» подобное
Грудным младенцам не предоставлять!
— Да, Штаты — ах! — синоним демократии,
— Да, Штаты — ох! — откальвай, что хошь.
Напрасно голоса «правдонскатели»,

М. РОМАНОВ

ПРОСВЕТИТЕЛИ - ПОДЖИГАТЕЛИ

— А что сказал американский начальник? — спросил Пузо.

— Американский начальник сказал, что у нас должно быть красивое название, ну, вывеска, что ли. А без вывески мы, мол, шайка бандитов, — объяснил другой участник шайки, по кличке Гундосый. — И если мы не придумаем себе красивое название, американский начальник не даст даже прогнившие ботинки с интендантства армии США.

— Хорошо, — согласился Пузо, глядя на подвязанные проволокой подошвы. — Назовемся «Шашлык и порядок».

— Тебе бы только пожрать, — сказал главарь басмачей. — Велено что-то идейное...

— «Факел и кинжал», — закричал Пузо, выхватывая ржавый нож.

— Нехорошо, выдаешь нашу тактику. Назовем так — «Борцы за ислам».

О действиях «борцов за ислам» — проникшей из Пакистана в Афганистан банды контрреволюционеров — рассказало афганское агентство «Бахтар». В деревне Каси Олья, что в провинции Гор, судя по всему, резвился крупный специалист по факелам Гундосый. Здесь была сожжена школа. На «борцов за ислам» не оказали никакого впечатления заклинания одной из женщин, умолявшей не поджигать школу, в которой было много экземпляров священного корана. Мухаммед Сулейман, старейшина села, очень точно потом сформулировал:

— Эти «борцы за ислам» — слуги дьявола.

Достоверно установлено, что эти дьяволы имеют вполне человеческий облик и числятся по специальным ведомствам Соединенных Штатов, Китая и Пакистана. И получают они — Пузо в том убедился — ботинки невысокого качества, кое-какую консервированную кормежку и отравляющие вещества не за красивые глаза, а за работу. И что характерно — работу со школьным уклоном. Нет, поймите правильно, посевами они тоже интересуются. Скажем, уничтожить посевы, которые выращивали тысячи людей, для них, как говорится, — именины души, праздник сердца. Но вот школы — это особая статья. С чего бы это? Может быть, школы лучше горят, чем дома крестьян? Нет, тут особый прицел, почище оптического.

Нетрудно представить себе, что говорится на инструктив-

ных занятиях, которые проводит с басмачами наставник из ЦРУ мистер Лессард.

— Борцы за свободный Афганистан! — так патетически начинает мистер Лессард. — Сейчас вы услышите достоверную информацию о том, что происходит на вашей родине. Кровь стынет в жилах, когда узнаешь о произволе властей, подвергающих и взрослых и детей неслыханным издевательствам. Вы послушайте, до чего они дошли! Они считают, что одна из главных задач страны — ликвидация неграмотности и развитие системы образования!

Здесь Лессард решил установить более тесный контакт с аудиторией.

— Вот вы, солидный, уважаемый человек, скажите, пожалуйста, что нужно свободному гражданину?

Солидный, уважаемый человек — а им оказался уже известный нам бандит по кличке Пузо, не ожидая вопроса, прикидывая, подошли бы ему сапоги американского начальника. Тем не менее он поднатужился и ответил:

— Свободному гражданину нужен шашлык...

— Блестяще, просто великолепно! — Понимая, что из Пуза больше не выпянешь, он обратился к сидевшему рядом Гундосому:

— А вот вы скажите, нужна вам грамота?

— Плевал я на грамоту! Меня, начальник, знали на всех базарах и били, не спрашивая, умею ли я читать.

— Достойный ответ, — сказал начальник, невольно потрогав карман с кошельком. — Но, к искреннему моему сожалению, я вас должен огорчить: в Афганистане сейчас открыто восемьсот школ, число учащихся удвоилось. И еще более страшная новость — на курсах по ликвидации неграмотности занимается около миллиона человек! Уверяю вас, уважаемые борцы, что ничего хорошего они в своих книжках про нас с вами не вычитают. Так что теперь вы знаете, против чего надо бороться. Поджигайте школы, убивайте учителей, уничтожайте библиотеки. Заставляйте жителей не выходить на работу и учебу, совершайте взрывы в школах. Настоящие просветители Афганистана — это вы! — патетически воскликнул Лессард.

Нашпигованные такой информацией басмачи и «просветляют» — с помощью факелов и пылающих школ. А чтобы лучше горело, лессардово начальство продолжает тайно

ввозить оружие в приграничные к Афганистану районы.

Однако у самих «просветителей» горит земля под ногами. Разбитые остатки банд бегут к своим начальникам за кордон. После одной из операций были разгромлены и «борцы за ислам». Отход был столь поспешным, что Пузо, который уже давно не соответствовал своей кличке, протер до дыр дарованные американцами ботинки. По совету своего дружка Гундосого он отправился за новыми к пакистанскому начальнику. Тот его принял ласково, но ботинок не дал, сказал, опирайся, мол, на собственные силы. Ничего не оставалось делать, как пойти к американскому начальнику.

— А, салам алейкум, свободный гражданин! — закричал американец. — Что скажешь? Как, опять ботинки? Нет ботинок на складе, уж больно резво вы бегаєте. Могу предложить лыжи. Что, холодно? Враки! Никогда не поверю, что возле горячей школы может быть холодно.

ЦЕНА ВЕРДИКТУ ЛИПОВОМУ — ГРОШ.

НАШЛИ ПРИМЕНЕНИЕ
ФАКЕЛУ СТАТУИ СВОБОДЫ — ПОДЖИГАТЬ АФГАНСКИЕ ШКОЛЫ!

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Засылаемые Вашингтоном и Пекином в Афганистан шайки басмачей с особой злобой нападают на школы.

Что написано пером,
не вырубить топором!

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила.

ПЛОСКОРЕЗ В НАСТУПЛЕНИИ...

На Полтавщине завершена уборка хлебов.

— Хороша нынче пшеничка,— довольно говорят колхозные и совхозные механизаторы, пересыпая на ладонях крупные зерна.— Что ни загонка, то полный бункер.

Украинские черноземы и в прежние годы были щедры на урожай. А уж в нынешнем особенно. Впрочем...

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Трудно сказать, давно ли изобретен плуг. Зато с достоверной исторической точностью можно назвать время, когда Федор Трофимович Моргун стал применять новое орудие земледельца — плоскорез.

Четырнадцать лет тому назад одним из первых на казахстанской целине, в совхозе «Толбухинский», он защищал новую, почвозащитную систему обработки. Изобретенный советскими учеными комплект новых орудий для обработки земли, в том числе плоскорез; не оборачивал пласт, а лишь разрыхлял его. Как выражаются агрономы, работали не в вертикальном, а в горизонтальном направлении. И в этом была вся хитрость. Земля не страдала от пыльных бурь и суховеев, стала щедрее на урожай.

Успеху благородного дела, за которое, засучив рукава, взялся Федор Трофимович, благоприятствовало его служебное положение: он работал директором совхоза.

В настоящее время Ф. Т. Моргун внедряет новшество на Полтавщине. А отвечая на вопрос, использует ли он свое служебное положение для пользы этого начинания, первый секретарь Полтавского обкома партии тов. Моргун сказал:

— Ой же и трудно сломить привычку пахаря, деды и отцы которого ходили за плугом! Я стараюсь действовать силой убеждения, но однажды, хотя и невольно, пришлось воспользоваться силой власти...

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Оказавшись в Полтаве, Федор Трофимович выпросил у своих друзей-целинников несколько новых орудий, которые выпускают в Целинограде, и на базе колхоза «Маяк коммунизма» создал опытное хозяйство. Секретарь обкома выкраивал время для занятия с агрономами, механизаторами и руководителями колхозов.

В результате на заключительном семинаре слушатели без запинки перечисляли достоинства нового метода.

— Это хорошо, что новые орудия не переворачивают землю,— обстоятельно говорил начальник Полтавского райсельхозуправления Н. В. Шрамко,— а разрыхляют ее, не нарушая верхний плодородный слой!

— В результате и урожайность озимых повысилась,— доказывал охочий до всего нового председатель колхоза «Прогресс» А. Л. Фисун,— аж на пять центнеров с гектара.

Секретарь обкома возвращался в Полтаву доволь-

ный результатами семинара. И вдруг, заметив что-то в поле, попросил шофера остановить машину.

Прямо к придорожной канаве подкатывались борозды поля колхоза «Дружба», вспаханные плугом.

— Взгляните на эти вздыбленные волны! — с жаром объяснял Ф. Т. Моргун главному агроному колхоза Н. Г. Гриню.— Это не поле, а настоящая картина Айвазовского «Девятый вал»! А вы, Николай Григорьевич, я вижу, неисправимый консерватор!

И тут вперед выступил начальник Полтавского райсельхозуправления Н. В. Шрамко и твердо поручился за подчиненного:

— Он больше не будет.

А для того чтобы главный агроном больше так не поступал, начальник управления решил снять его с занимаемой должности. И тогда Ф. Т. Моргун воспользовался своей властью.

ЧАША ВЕСОВ

Н. Г. Гринь не расстался с полем.

— Первый секретарь обкома не допустил, чтобы меня сняли с работы,— поведал мне Гринь.— Просто Федор Трофимович предложил мне для опыта засеять два поля — обработанные старым и новым методом.

Гринь был хитроватым крестьянином: для опробования нового метода он выбрал поле похуже. И, на свое удивление, получил с него больше зерна, чем с того, которое было вспахано плугом.

— Здесь мы собирали в среднем по тридцать три центнера зерновых,— показывал мне Николай Григорьевич озимое поле, которое принарядилось в золотистое платье,— а теперь — по тридцать восемь. А в честь XXVI съезда партии порадуем Родину сорокацентнерным урожаем!

Главный агроном провел меня по проселку, который аккуратным пробором надвое разделял зеленокудрые плантации. Здесь он тоже экспериментировал.

— Где свекольная ботва более сочная, поработал плоскорез,— пояснил Николай Григорьевич,— а где зеленя похужла — плуг. Я хочу узнать, где сахарная свекла будет лучше...

Главный агроном вырвал два корнеплода и, взвесив их на ладонях, сказал:

— Я больше не буду пахать плугом, где не надо...

БАРЬЕР ЗА БАРЬЕРОМ

Как видите, психологический барьер постепенно рушится. Но на пути нового возникают и препятствия. Например, в виде формуляров, цифр и параграфов.

— Статистика фиксирует только вспашку плугом,— рассказал мне инспектор госстатистики Полтавского района П. И. Дзябенко.— Новый метод обработки отдельно не учитывается, поэтому и запчастей к новым земледельческим орудиям не предусматривается.

Но в Полтавской области три четверти угодий об-

рабатывается по-новому. Вот почему местные Микулы Селяниновичи должны быть мастерами на все руки: они и землю возделывают и запчасти изготавливают!

...На машинном дворе колхоза «Дружба» я споткнулся обо что-то железное и, прыгая на одной ноге, растирал травмированную стопу.

— Это вообще-то плуги,— участливым тоном заметил подошедший ко мне председатель колхоза Н. П. Телешун.— Но теперь они для нас простые железки! Часть плугов мы, так сказать, законсервировали. А на поля пустили в основном плоскорезы.

— Эти бы плуги да перековать на плоскорезы! — патетично воскликнул я.

— Горячиться, конечно, не надо,— поправил меня Н. П. Телешун.— Все без старого плуга мы остаться не можем. Просто нам нужно бы больше новых орудий. В этом году мы, например, просили двенадцать плоскорезов, но не получили ни одного. Промышленность мало выпускает этих замечательных орудий.

* * *

Плоскорез совершил победное шествие с казахстанской целины на плодородные поля Полтавщины. И в то же время, как выяснилось, на пути нового метода обработки почвы имеются препоны — не хватает самих плоскорезов.

Возвратившись в Москву, корреспондент связался по телефону с начальником Главного управления зерновых культур Министерства сельского хозяйства СССР А. И. Жолобовым.

— Александр Иванович,— поинтересовался корреспондент,— быть может, у нового метода обработки почвы имеются не только сторонники, но и противники, которые не согласны с новшеством?

— Что вы?! — запротестовал тов. Жолобов.— Почвозащитный способ обработки себя полностью оправдал и сейчас успешно применяется во многих областях. Площади земель, обрабатываемых по-новому, могли бы быть более значительными, если бы Минсельхозмаш полностью выполнял планы производства этих орудий. К сожалению, задание, установленное правительством, полностью не выполняется, орудий не хватает.

Как видим, у нового способа обработки уже нет противников. Дело за Минсельхозмашем СССР.

Полтавская область — Москва.

С. ПЕСТОВ, специальный корреспондент Крокодила

Краевед-любитель Кордюков перевернул страницу древнего фолианта и досадливо поморщился. «Баронесса Строганова,— доверительно сообщало «Жизнеописание сановных особ Урала»,— в страстную неделю совершала омовение в купели парного молока».

«Ишь, купчиха,— презрительно подумал краевед.— Небось у нас, в Верхотурье, шибко не развернулась бы насчет купания в молоке».

Краевед выглянул в окошко и еще больше укрепился в своей мысли. У единственного в городе Верхотурье молочного магазина змеилась очередь покупателей с бидончиками.

А в трех верстах от магазина терзалась владелица доброй коровы — Маргарита Николаевна Белова. Вылив ведро парного молока телку и поросенку, вся извелась Белова в думках, куда бы еще приспособить оставшееся молоко. Может, и

Одклики и реплики

В МИНИСТЕРСТВЕ МЕЛИОРАЦИИ
И ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР
ОБ ИЗОРЕПОРТАЖЕ
И. НОРИНСКОГО
«МОРСКАЯ КАПУСТА»
№ 16, 1980 г.

Художник Крокодила И. Норинский на своих рисунках изобразил события, которые уже не первый год происходят на Яхромской пойме в Подмоскovie. Несмотря на пятилетние труды мелиораторов, на «осушенных» землях поймы впору хоть рис выращивать.

Редакция получила ответ заместителя министра мелиорации и водного хозяйства СССР тов. А. Алексаннина, в котором говорится, что осушительно-оросительные системы на двухстах шестидесяти гектарах площадей действительно работают плохо.

За неудовлетворительный контроль и несоответствие проекта современным техническим требованиям директору института «Мосгипроводхоз» тов. Макаренцеву В. И. объявлен выговор. За допущенный брак в строительстве, выявленный в процессе эксплуатации системы, начальнику объединения «Мосмелиорация» т. Конореву Р. П. также объявлен выговор. Директор «Мосводстроя» т. Конюшенко В. Я. строго предупрежден.

Утверждены мероприятия по ликвидации переувлажнения земель новой очереди Яхромской поймы. Все строительные работы намечено завершить в октябре 1980 года.

Хочется верить, что мелиораторы приложат все силы к тому, чтобы выполнить задание министерства. Только вот одна заковыка: по имеющимся сведениям, пойма после обильных дождей и из-за неисправностей в осушительной системе окончательно залита водой.

Не слишком ли сжатые сроки для окончания работ назначает министерство?

Сельской почты

— Не уйдешь по такой дороге... не уйдешь...

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

решилась бы она на кощунственное купание, кабы не врожденное отвращение к вывихам не нашего образа жизни. Никто решительно не интересовался излишками молока у Беловой и ее соседей, поскольку шла к их домам дорога жуткой непроходимости. Даже отчаянные пожарники однажды застряли здесь на сутки, так и не добравшись до жаркой своей работы.

Не раз садился на крылечко хозяин точить нож, да нелегко расстаться с привычной буренкой, хотя и держать ее нынче не легче. Покосы дают порой в недостижимой дали, а сами участки напоминают по дикости своей скорее полигоны для тренировки первопроходцев, чем кормовую базу личного скота. И уж доставить отсюда сено после зимних сугробов можно только по весеннему насту, а до весны непонятно, чем и кормить скотину — нынче даже за сданное молоко перестали давать комбикорма.

— Но ведь есть почти в каждом городе и поселке животноводческое товарищество, — воскликнет тут подкованный читатель, — которому надлежит радовать за интересы скотовладельцев!

И для примера укажет товарищество в городе Дегтярске, которое имеет тридцать лошадей, десять тракторов, грузовик, склады и ремонтные мастерские. Каждый из более чем тысячи членов этого товарищества знает, что в любое удобное время ему будет вспахан огород, скошено и доставлено сено. Не случайно численность стада индивидуальных владельцев здесь за последние два года даже возросла.

Только постоянное внимание Дегтярского горисполкома к делам товарищества и беспощадная самоэксплуатация ее председателя А. Ф. Свинова сделали хозяйство процветающим. Плохо представляет себе Алексей Федорович, как выглядят лица домашних при дневном свете, потому как от зари до зари мечется он по делам товарищества. Лишь благодаря сочувственному либерализму местных финансистов да непрестанному нажиму городского и областного Советов народных депутатов удается кое-где приобрести из музейных фондов технику почти до-

ледникового периода — замшелый «Фордзон» или британский, выпуска прошлого века, трактор чуть ли не с паровым двигателем...

А там, где нет заботы местных властей, совсем худо живет мясо-молочным товариществам. В беспризорном Верхотурьинском обществе гражданин Соколов атаманствовал до тех пор, пока суд не упек его за решетку ввиду загула и растраты шести тысяч товарищеских рубликов. Нынешнему председателю Андрианову достались от предыдущих руководителей горсть медаков в сейфе да злоущий бык-производитель, больше известный своими хулиганскими выходками, чем прилежанием к делу.

Несладко и многочисленному товариществу города Полевского. Который год находится оно в состоянии круговой обороны. Хотя формально и закреплены на десять лет за товариществом сенокосные угодья и пастбища в окрестностях города, но вот «по ошибке» вспахан гектар сенокоса в урочище Подближнем тракторист лесхоза, оставив бабушку Матрену Филипповну без всяких надежд на зимнее пропитание ее буренки. И совсем уже настоящий разбой по всем правилам осадного искусства творит лесхоз на станции Полевская. Мощный десант засадил здесь саженцами пастбище и прогоны к водопою, перерезав жизненно важные коммуникации для двухсот поселковых коров.

«Пошто, — думают лесники, — надрываться и корчевать брошенные делянки для посадок, — когда рядом вылизанные и облагороженные сенокосы частников?»

...Не успевает осажденное товарищество перевести дух, а уж новый обидчик теснит его на захваченной территории.

— Нашим рабочим нужны садовые участки, — наносит удар ниже пояса местный криолитовый завод и забирает под сады двадцать два гектара наилучших лугов вдоль реки Чусовая. — А вы на той стороне реки сенца поскребете...

— Ладно уж, — вздыхают скотовладельцы, — только, чур, какой-нито мостишко перекиньте на ту сторону.

— Вот те истинный крест, — божатся для видимости криолитчики, — мигом наведем переправу! ...Третий год уж пошел, как мост шириной в одну лошадиную колею все еще не под силу заводу-миллионщику.

И, нацепив одежку поплоше, идет председатель Полевского товарищества Медведев в соседний совхоз «Северский».

— У вас техника все равно не выкашивает кромки угодий в Баклановских рукавах, — бросается он в ноги дирекции совхоза. — Уступили бы нам неудобцы!

— Мы, может, тоже, — отвечает стальным голосом совхозное начальство, — эти неудобцы в дело приспособим...

Можно, конечно, напомнить всемогущему соседу, что не только в прошлом году, но и в иные годы брезговал совхоз закраинами. И даже собранное с поля сено — двадцать четыре тонны отборной тимopheевки — сжег дотла совхоз нынешней весной. Что толку от таких напоминаний?

А городские власти Полевского с неподдельным интересом наблюдают за agonией товарищества, пытаются угадать: долго ли оно протянет в неравной борьбе?

«Каждое утро, — продолжал чтение старинной рукописи краевед Кордюков, — окрестные жители поставляли к воеводскому двору простоквашу для умывания лица и головы...»

— Далась им эта простокваша, — заскучал краевед и, вконец осерчав, отодвинул в сторону фолиант. Хотелось почитать что-нибудь современное, не отдающее душком молочного разврата, и Кордюков развернул свежую газету.

«Последние годы, — писала газета, — сокращается поголовье скота в личных хозяйствах, которые дают тем не менее четверть всего уральского молока».

Свердловская область.

События развивались параллельно. ... Поздно ночью в квартире Михаила Исаевича раздался продолжительный телефонный звонок. Прорывалась междугородка.

— На проводе Винница. Слышите меня?

— Слышу. Кто говорит?

Тут вступил смятенный голос, который оповестил:

— Говорят соседи вашего брата. Извините за скорбную весть. Ваш брат скончался.

Надо ли описывать горе Михаила Исаевича? Едва дождавшись утра, он помчался за билетами, чтобы немедленно отправиться вместе с женой в путь.

...Поздно вечером позвонили в общежитие Винницкого педагогического института и попросили к телефону студентку Инну А. Смятенный голос сообщил, что вчера скончался ее отец.

Можно было ожидать, что охваченная горем дочь тут же разрыдается в телефонную трубку. Но рыдания не последовало. Деловым тоном она заинтересовалась:

— А кому-нибудь вы уже об этом говорили?

— Сообщили милиции. Ведь он умер дома, видимо, что-то с сердцем. Последнее время бедняга припадал здоровьем...

— А еще кому?

— Московскому брату папы, то есть вашему дяде.

— Вот это напрасно! Впрочем, бегу. Надо его оставить с носом.

И, позвонив, в свою очередь, маме, проживавшей в соседнем городке, Инна А. навестила лыжи на квартиру отца.

...Когда московский дядя появился в доме покойного, тело брата уже увезли. Врач «скорой помощи», тоже вызванный соседями, констатировал смерть от инфаркта. Следовательно прокуратуры, затребованный милицией, завершив осмотр квартиры, обнаружил под кипой чистого белья в шкафу сберегательную книжку с солидным вкладом, страховой полис, сколько-то наличными и облигациями. Не ведая, что у покойного была дочь, следовательно передала находку на временное хранение его родственнице, тоже прикатившей из недалекого района. Через два часа после отбытия следователя, исполнившей свой долг, в квартире появилась Инна А. со своей мамой.

Ошарашенный московский дядя застигнул племянницу и ее мать в квартире покойного. Они буднично калекали о делах. Слегка остолбенев, он спросил:

— Пришли взглянуть на то, что стало с отцом?

— Нет, — насупилась дочь, — пришли взглянуть, что осталось от отца.

Разговор не клеился. Дядя почувствовал глубокую бестактность своего вопроса.

Тут требуется некоторое разъяснение. Сущность этой истории такова. Двадцать лет назад винницкий брат Михаила Исаевича женился. Увы, как это иногда бывает, matrimonialное содружество не сложилось с самого старта. Ведь известно: брак — одно «да», за которым следует целая ве-

реница «нет». Словом, семейная жизнь не вытанцовывалась, и молодые вскоре разбежались. Родившаяся через некоторое время дочь жила вместе с матерью в соседнем городке. Таково коварство судьбы...

Разведенный супруг завел размеренный и фундаментальный образ жизни бобыля. Разумеется, он не отрекался от своей дочери, платя все эти годы положенные алименты. Более того, он известил дочь, что мечтает жить вместе с ней. Но, подхлестываемая матерью, она не только отказывалась от переезда в дом отца, но и вообще не казалась туда носа. Он долго томился наедине со своими грезами, пока, выражаясь на языке художественных образов, фосфорическая стрелка на часах его жизни не показала двенадцать часов.

...Итак, события развивались параллельно.

Шатаясь от горя, московский дядя побрел в учреждение, где его брат служил юрисконсультом, чтобы вместе с сослуживцами похлопотать о похоронах. Был заказан лучший гроб с кистями. Были расписаны скорбными надписями муаровые ленты. Словом, все шло своим натуральным порядком.

Дочь покойного припустилась в институт. Обладая чувствительной душой, она раздавала билеты в театр, которыми ей поручили обеспечить соучеников на время каникул. Мать Инны опрометью бросилась в нотариальную контору. Взволнованно переводя дыхание, она пригласила нотариусов для описи оставшегося от покойного имущества. Нотариусы прибыли в тот момент, когда на квартиру привезли гроб с телом усопшего. Комнаты были набиты знакомыми и соседями, пришедшими проститься с покойным, прежде чем его переве-

зут в тот недалекий городок, где должно было состояться захоронение. Обведя квартиру взором скучным, как алгебра, нотариусы отступили, сообразив, что явились для описи в не совсем подходящий час.

Похороны состоялись на следующий день. Прикатила траурная делегация сослуживцев всеми уважаемого юрисконсульта. Явились его бывшие земляки. Рыдали родные. Гроб утонул в венках и цветах. Не было только мало-маленького букетика от Инны А. и ее мамы. Впрочем, участники похорон проглядели все глаза, но тех и следа не было.

Да и до этого ли им? Мир маленьких, но сильных страстей внезапно открылся перед наблюдателями. В то время, когда брат покойного заказывал гроб, машину, венки и прочие погребальные атрибуты, Инна А. и ее мать, недостижимые для упреков, сломя голову бегали из районной прокуратуры в нотариальную контору и обратно. В прокуратуре они подчеркивали, что именно Инна как единственная наследница должна получить найденные в квартире деньги и документы. Естественно, с ними никто не пытался спорить. В любой момент все будет возвращено ей согласно закону... В конторе они торопили нотариусов совершить опись наследуемого имущества, так как у них возникла гипотеза, будто его желает заграбастать этот гусь, московский дядя.

Однако дядя, инвалид Великой Отечественной войны, увешанный боевыми наградами, вовсе и не желал завладеть скарбом брата. Нотариусы без труда описали обычную квартирную снасть, проставив с его же помощью примерную стоимость каждой вещи. Но распаленный холодностью и безжалостностью племянницы, он

после короткой внутренней борьбы обратился в суд. Нет, конечно же, повторяем, он ни на что не покушался. Но просил только одного — вычистить из наследства хотя бы половину суммы, которую он затратил на похороны, заказанный памятник и все такое прочее. С отчаянным лицом дядя пояснил, что он не стал бы предъявлять свой иск, если бы наследница повела себя чуть корректнее. Но, коли она только и помышляет о материальном аспекте вопроса, то пусть, черт возьми, не артачится, а понесет часть расходов. Так сказать, отдаст последний долг отцу.

Инна А. тоже с этого момента ушла с головой в бурную стихию юриспруденции. Ее гвоздила мысль, что за время ее отсутствия дядя успел заменить новый полированный шкаф на шифоньер с царапинами, а собрание сочинений Л. Н. Толстого какими-то нелепыми брошюрами на юридические темы... Уже самый тон этого иска, этакая императивность стиля, которым предлагалось возместить нанесенный ущерб, заставлял насторожиться. Однако эксперты, посланные на квартиру судьей, нашли, что вся недвижимость недвижима, а что до оценки, то она даже меньше того, что записали на глазок их предшественники-нотариусы.

На состоявшемся вскоре суде Инна А. появилась настолько сияющая и уверенная, что даже судью покорило. Смущенно прокашлявшись, она спросила:

— Перед лицом, так сказать, смерти вы удивляете меня. Неужели у вас не шевельнулась жалость к покойному? Ведь он, судя по показаниям свидетелей, стремился соединиться с вами.

Опершись взглядом на мать, конечно же, присутствовавшую в зале, Инна А. отвечала, любясь собственным бессердечием:

— Я не желала видеть отца при жизни и пришла на квартиру, чтобы убедиться, что он мертв.

— Ну, вы хватили через край... А не было у вас желания принести хотя бы букетик на его могилу?

— Вы рассматриваете дело о букетиках или о наследстве? — запальчиво спросила Инна А. — Это в конце концов мое право — приносить букетик или ставить памятник. Я, например, на такие расходы не пойду.

Да-с, легко быть твердым, будучи бесчувственным. Ну, да ладно. Может статься, что тут читатель разведет руками. Стоит ли внедряться в судебный процесс? Не стоит. Не станем судить, в свою очередь, правомерен ли был иск московского дяди и справедлива ли была дочь покойного, когда выдвинула свой гипотетический иск. Пройдем мимо этих щепетильных обстоятельств и зафиксирруем лишь моральную грань конфликта.

Да, можно понять чувства бывшей супруги винницкого юрисконсульта, в течение многих лет копившей злобу против своего мужа. В конце концов можно понять и Инну А., не желавшую по наущению матери — кстати, педагога, гуманитария — проводить отца даже в дни обострения его недуга, приведшего к роковому исходу. Но вопреки французской половице, понять — вовсе не значит простить.

Недаром судья с одобрения народных заседателей направила особое письмо в ректорат института. После строк, излагавших существо свары, шли следующие веские слова: «...И. А., узнав о смерти отца, решаю вопросы, связанные только с принятием наследства... Поведение и высказывания студентки Вашего института, установленные судом во время рассмотрения дела, несовместимы с той деятельностью педагога, к которой она себя готовит...»

События развивались параллельно...
г. Винница.

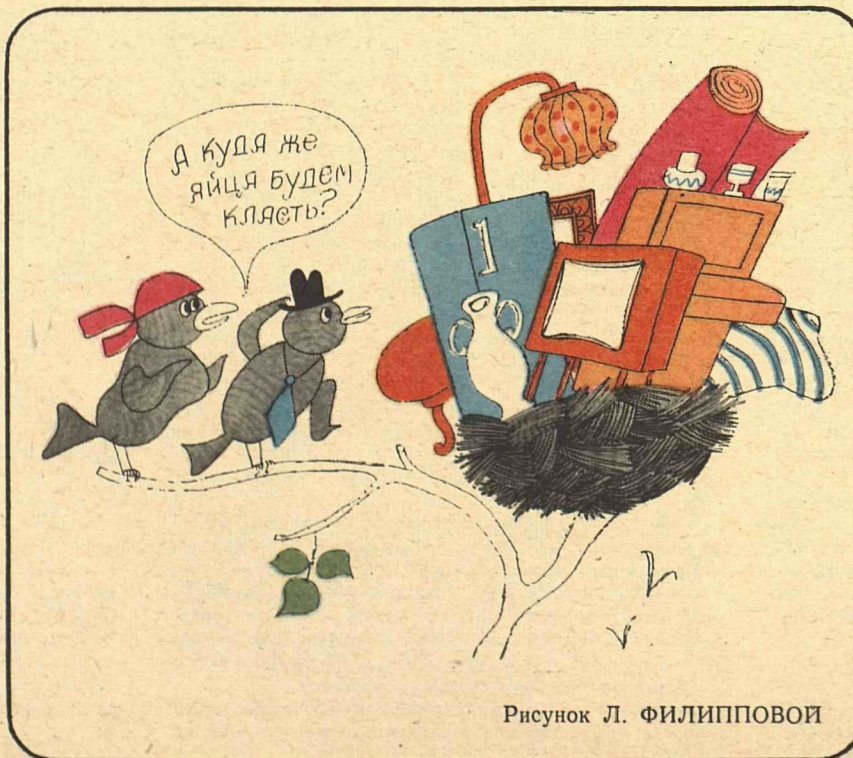

Рисунок Л. ФИЛИПОВОЙ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Д. КАПУСТИН

Ни дня без строчки

Ни дня без строчки —
Других забота.
Строчить лишь ночью —
Моя работа.

Что мой директор —
Прохвост и дрянь.
Сосед-проректор —
С пеленок пьянь.

Коллега — подлый,
Главбух — дурак,
А пишет добрый,
Простой чудак.

Так, бескорыстно
Тружусь всю ночь,
Чтоб анонимно
Им всем помочь.

В рабочий полдень

Летом тянет писать о дачах и садах, в которых бушует природа. И перо скользит по бумаге, воспевая картину романтическую: река Омь катит воды свои у дикого берега, возвышающегося над дачным поселком. Но не полна в наши дни романтика без технического прогресса и без механизмов...

Прежде всего для полной дачной картины нужен трактор. Желательны также бульдозер и ковш экскаватора. Все это есть на участке тракториста И. С. Муравьева.

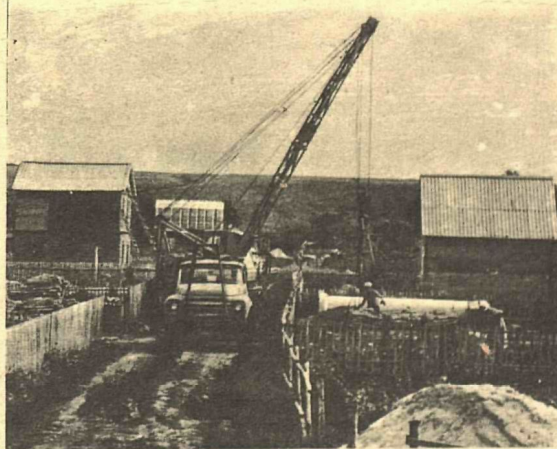

Иван Селиверстович, работающий в ПМК-825 управления «Омскцелинстрой», за хорошую мзду не откажет и другим дачникам в технической поддержке.

— А если начальство того... пронюхает? — спросили мы строителя. — Ведь как-никак середина рабочей недели, одиннадцать часов утра...

— Начальство-то? Да наш главный механик Иван Иванович Кузьмич и мастер Наталья Алексеевна Маркова — добрейшие люди. Они мне сказали, что, мол, иди, Иван, копей траншею. А там как знаешь... Я прямехонько сюда...

Но если тракторист Муравьев просто дилетант-одиночка, то в целом же на дачах все делается основательно, с размахом и с участием руководства... Поспешим в другое место, где трудовое напряжение достигает максимума.

— Вира! Майна! — слышится зычный голос.

Не удивляйтесь четкому и слаженному ритму на этой стройплощадке. Делом руководит здесь сам прораб участка спецмонтажного управления треста «Уралмонтажавтоматика» А. В. Бушуев. Конечно, на строительстве Прииртышской бройлерной птицефабрики, где он должен в это время работать, намечился простой из-за отсутствия крана. Но здесь полный ажур!..

Главный инженер судоремонтно-судоостроительного завода С. П. Володарский прибыл на дачу в 12 дня и буквально растворился в густой зелени. В «уазике» осталась лишь путевка, свидетельствующая о том, что находится-то главный инженер должен не рядом с персональными прядками, а в аэропорту по служебным делам.

Далеко не всех запечатлел наш объектив. Иные ответственные лица шлют машины на дачи, не выходя из кабинетов.

В рабочее время доставили кирпич на дачу

старшего инженера базы производственно-технического обслуживания и комплектации Миннефтепрома Виктора Николаевича Тоскаева (сам он в объектив не попал). Проставив вагоны, на разгрузке которых должен работать этот грузовик.

Направил «КамАЗ» для перевозки грунта начальник отдела водоснабжения отделения железной дороги Виктор Александрович Саньков. Начальник Омского райпо А. Т. Шутько на свой личный гараж, расположенный по соседству с дачей, послал «ЗИЛ», доверху груженный асфальтом.

И все это в то время, когда государственным стройкам не хватает людей, материалов, механизмов и транспорта.

Но что это? Такое нам видеть пока не приходилось. К дачам ехал житель г. Омска... на пружовом такси! К сожалению, нам не удалось установить фамилию этого рыцаря, хотя он, безусловно, достоин того, чтобы на омских дачах ему был поставлен ну пусть гипсовый бюст...

А. ПЕШКОВ

г. Омск.

А. КРЫЛОВ - 80.

— А теперь куда, шеф?
— Надевай бороду. Забросим тебя в Афганистан инструктором.

Рисунок
А. КРЫЛОВА

Нынешний хозяин Белого при президенте работает не журналистами, интервью, про рога изобилия. Иногда прои для истории. Например, эта:

И рисуется нам такая карт жественная музыка, и вся Ам чани, склоняясь перед вел

Кто же он такой и что со тов, если сам президент им та

И тут мы оставляем фанф прозе. А проза такова. Берт ративно-бюджетного управле димых. Дело-то в общем пу изьял, начиная с 1970 года, ным путем каких-то 20 мил предельно кратким и, тем не

теперь загремел Берт в тю листы. И когда все гадали, вительственного ведомства, сакраментальную фразу. Чт

Атланты? Каторжные работ поверите — полное освобож

присяжные признали справе шли навстречу министерству

ского ходатайства был прибу бует повторного разбирател

расходы, а казна пуста, все сти... Короче говоря, замяли

Ну, уж если спустили на то ного друга президента, то

решил Билл Картер, вообщ правда, не 20 миллионов, а 2

не валяются. Перепадали ем сячные безделушки. Должен

влекли его (на время) от эт том, что заимствовал Билл в

одной арабской страны. Узн и спросили его сурово:

— Ты что же это делаеш братец, так тебе и законы не

— А что такое? — спроси гары и пустив его точно в л

— Как это, что? Ухватил не желаешь?

— Ах, простите! — вскрич товал в суматохе. Где тут рас

И расписался. В том, что тельству является агентом та

выполнена.

Ну, а что же американски чаем на основании фактов: на

Историю прокурора округа Гортмейкера, переданную по

сом смотрели тысячи людей.

Сергей СМЕРНОВ

Дважды-80!

Олимпиада-80.

Пали
Рекорды многих стран
И всей Земли.
И восемьдесят

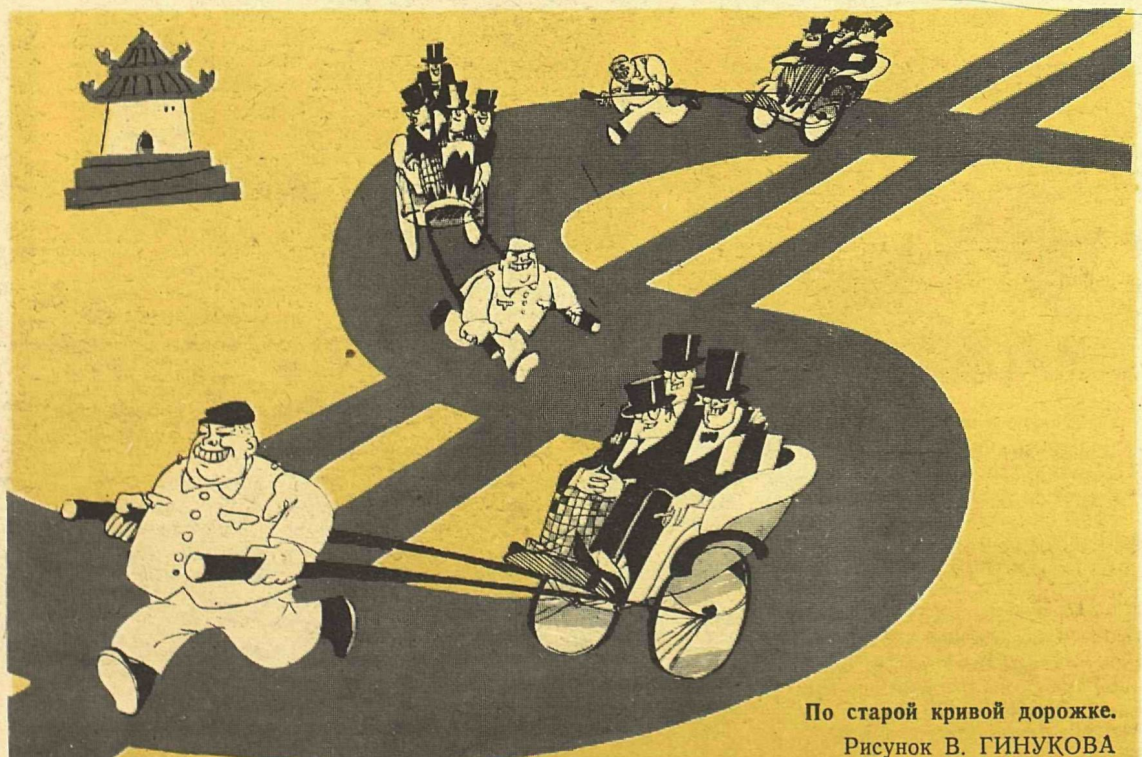
золотых медалей
Советские спортсмены
Обрели!

Взорлил девиз:
— Сильней!

Быстрей
и выше! —

Во всех своих
Программах-номерах...
Ты победил,
Наш Олимпийский Миша!
Всем недругам твоим —
Позор
и крах!

Китайская газета «Гуанмин жибао» предложила восстановить профессию велорикши, чтобы одновременно решить проблему общественного транспорта и безработицы, охватывающей 20 млн. человек.

По старой кривой дорожке.
Рисунок В. ГИНУКОВА

наше
ЦЕХ

...И
«Фитил
собрал
МОСХ
лодной

Три
коммен
опасно
гнетани
рикано

Мир
главил
Неизме
ская д

Основа
кованн
циальн
расска

Вько
бой си
дунаро
откро

Эстафета взятков

дома говорит много. Пресс-служба разгибает спин. Выступления перед предвыборные речи сыплются как из изюбря и фразы, предназначенные «Берт, я горжусь тобой».

ина: развернуты знамена, звучит торжественно замедленная благоговейно молчаливым подвигом этого самого Берта. Вершил во славу Соединенных Штатов гордится?

ары в покое и переходим к суровой Лэнс — бывший директор администрации США, угодил на скамейку подсудимых. Ну, позволил себе человек, из банков штата Джорджия незаконно долларов. Обвинение было не менее, заняло целых 33 пункта. Да, вкратце — наивно прогнозировали идеальное же слопочет директор пророчески президент и произнес свою речь же получил Берт Лэнс от суда, длительную отсидку? Никогда не дение! Судьи, несмотря на то, что обвинение 30 пунктов обвинения, по юстиции США. Смысл министерства таково: дескать, дело трестов, а это влечет дополнительные расходы на ракеты средней дальности.

ормозах такую громкую историю личную мне, его единоутробному брату, море по колено. И взял Билл, 20 тысяч долларов — тоже на дороге и золотые браслеты и другие тыщи ухватить еще 300 тысяч, да оттого увлекательного занятия. Дело в отличие от Берта не из банка, а от али об этом в министерстве юстиции

Решил, что если ты президентов писаны? Картер Билл, откусив кончик сивявший на столе свод законов. Сотни тысяч, а зарегистрироваться

ал братец. — Милль пардон, заламываться? согласно американскому законодательной-то страны. Формальность была

ие прокуроры? Куда смотрят? Ответа дающего.

Марион, что в штате Орегон, Гарри телевидению, с живейшим интересом. Популярная личность! Когда в про-

цессах принимал участие Гарри, в зал было не протолкнуться. Ах, как красиво он говорил! О долге, о честности, о смысле жизни. Что там публика! Матерые преступники плакали как дети, слушая его речи. Теперь плачут власти штата Орегон. Выяснилось, что правдолюбец Гортмейкер опустошил казну штата на десятки тысяч долларов. Заодно стало известно, что Гарри еще и лжесвидетельствовал — и отнюдь не бескорыстно.

К Гортмейкеру прибежали репортеры. Вот интервью, которое дал орегонский казнокрад энд взяточник.

— Мистер Гортмейкер, какое наказание грозит человеку, которому предъявлены подобные обвинения?

— Лишение свободы сроком на 7 лет и штраф в 4 тысячи долларов.

— Собираетесь ли вы писать в тюрьме мемуары? — таков был следующий вопрос.

— Вы рискуете сами угодить за решетку, — молвил, улыбаясь, Гарри, — поскольку я могу подать на вас в суд за оскорбление личности.

Тут опешили даже выдавшие виды репортеры.

— То есть как это..? — опомнившись, спросили они.

— Все очень просто. Ни на минуту не сомневаюсь, что если дело дойдет до суда, то я буду оправдан. По всем статьям. Мы в Америке! Гуд бай, джентльмены.

Служитель закона знает, что говорит, поскольку знает американских законодателей. Представляем вам одного из них.

Член конгресса Чарльз Уилсон. При ближайшем рассмотрении не столько конгрессмен, сколько торговец. Приторговывает Чарльз не скробьяным товаром, а своей выборной должностью. Как член конгресса, он пробивает кому выгодный заказ, кому незаконную субсидию. В общем, входит в долю во всех махинациях и однажды был вынужден войти в двери специальной комиссии палаты представителей по вопросам этики.

— Ну, Чарльз, выкладывайте, да поподробнее, — сгорая от нетерпения попросили стражи нравственности.

— Да не было ничего, одни наветы, никаких платных услуг...

— Мистер Уилсон, вы же член американского конгресса, ведите себя достойно. Выкладывайте начистоту.

И тут Чарльз рухнул на колени.

— Отцы! Благодетели! Не губите, жена, пятеро детей...

— Да встаньте же! Опомнитесь! Кто вас будет губить, да еще накануне избирательной кампании. Голову надо иметь на плечах.

— Так чего же вы хотите? — спросил осмелевший Уилсон.

— Да вашу таксу, черт побери! Что, почему, сколько берете, чтобы мы знали конъюнктуру. А вам, чтобы пресса не шумела, мы объявим порицание. Ну, довольны?

Видимо, такса Уилсона получила широкое распространение. Свыше 46 американских законодателей попались на финансовых махинациях, информирует журнал «Нью-Йорк».

Судя по всему, в этом плане первенство держит штат Массачусетс. Как о подлинно спортивном рекорде здесь говорят об эстафете три по 50 тысяч. Три ее участника — это три губернатора штата. Сменяя один другого, они за период с 1968 по 1978 год передавали друг другу в виде эстафетной палочки перечень компаний, с которыми «можно иметь дело». А 50 тысяч —

Взяточбратели-законодатели

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

это минимальная (по оценкам специалистов) сумма, которую каждый унес, побывав на посту губернатора, в виде чаевых от энергичных компаний. Представитель одной из них Ф. Мазьелло так и заявил: «Без соответствующей мзды невозможно получить в штате ни одного контракта».

«Если изучить деяния любого представителя американской власти — будь он республиканец или демократ, — практически всегда можно обнаружить нить, потянув за которую можно раскрыть крупные противозаконные сделки. В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИК» ДАВНО АССОЦИИРУЕТСЯ СО СЛОВОМ «МОШЕННИК».

Возможно, какой-либо Гортмейкер или, скажем, Уилсон, прочитав эти строки, воспылает благородным гневом и пригрозит подать на «Крокодил» в международный суд, рассчитывая получить с нас это самое... Так вот, автор уполномочен заявить: журнал взятков не дает. Что же касается приведенной цитаты, то она принадлежит американской газете «Чикаго трибюн», с мнением которой по означенному вопросу мы полностью солидарны.

снова в тесном, но давно знакомом фойе кинотеатра «Нет — холодной войне!» (прямо скажем, это не Габровский Дом Сатиры!) открыла здесь свою очередную выставку «Нет — холодной войне!».

Подсекция сатиры открыла здесь свою очередную выставку «Нет — холодной войне!».

Восьмидесяти рисунках остро проливали широкий круг международных проблем: похолодание мирового политического климата, нагнетание антисоветской истерии, «ястребину» суету, американо-китайский флирт...

Восьмидесяти рисунков, как всегда, возмужавшие мастера — Б. Ефимов, Кукрыниксы. Яркий публицистический темперамент, пропагандистская острота их новых работ задали тон выставке. Экспозиция, составленная из карикатур, уже опубликованных в печати, дополнена рисунками, сделанными специально к вернисажу. Аплодисментами встречали зрители вы авторов о своей работе.

Выставка «Нет — холодной войне!» стала успешной проливали московских карикатуристов перед Четвертой Международной выставкой «Сатира в борьбе за мир», которая открылась в столице осенью 1981 года.

КУКРЫНИКСЫ, 1980 г.

Бор. ЕФИМОВ, 1980 г.

В конце рабочего дня Мишутин сорвался на сорок минут в хозяйственный магазин (шесть троллейбусных остановок и на другую сторону проспекта) — жена замучила напоминаниями выяснить, есть ли там пластмассовые жалюзи. Окна их квартиры выходили на солнечную сторону, летом припекало начинало уже с утра, и хоть до жары было далеко, весна только-только осматривалась в городе, жена от Мишутина не отставала.

У начальства Мишутин отпрашиваться не стал, лишь соседа по комнате, Кравцова, предупредил, чтоб в случае чего тот его прикрыл, сказал — он где-то в здании, в каком-нибудь из параллельных отделов.

Троллейбус едва тащился. Дергался, то и дело тормозил, так что пассажиров мотало, будто в шторм на корабле.

В подземном переходе старушки торговали цветами. Какими, Мишутин не знал, но, видимо, подснежниками. И какой-то парень своей девушке букетик дарил.

У магазина мужик в черной затасканной шинели железнодорожника привязался к Мишутину, пытался продать ему точильный камень, а Мишутин, задумавшись о цветах, остановился и довольно долго его слушал, не понимая, о чем речь. Мужик совсем было решил, что сделка состоялась.

В магазине пахло стиральным порошком. В одном отделе громыхали ведрами, в другом — звенела посуда. Девушка-продавщица сообщила, что жалюзи нет.

— А когда будут? — спросил Мишутин.

Она обдала его холодом бледно-голубых глаз.

— Вам цветами надо торговать! — замороженно прошептал он. И — заторопился.

Кравцов сидел за своим столом точно в той позе, в какой Мишутин его оставил. Вдумчиво, сосредоточенно читал. Плотный, небольшого роста, с апopleктической лысиной и пухлыми, розовенькими щечками.

Семь лет они делили кабинет. Семь лет Мишутин видел эту лысину.

— Уф, упарился! — сказал Мишутин, снимая пальто и шляпу и надевая пальто на деревянную вешалку, которую потом зацепил за крючок у двери. Шляпу повесил на этот же крючок сверху. — Нет там никаких жалюзи.

— Тебе звонили, — не отрываясь от бумаг, сказал Кравцов. — Два раза женский голос, один и тот же.

— Не жена? — на всякий случай уточнил Мишутин и, смотря в застекленную дверь шкафа с документацией, начал приводить в порядок шевелюру.

В этот момент зазвонил телефон. С расческой в руке Мишутин бросился к аппарату.

— Да! — крикнул он в трубку и вяло повторил: — Да. Ездил. Да. Нет. Неизвестно.

Кравцов выдвинул ящик стола, достал небольшого формата картонную карточку и сделал на ней выписку из отчета. Писал он карандашом.

— Съездим, съездим, — говорил Мишутин. — Ну, там видно будет. В субботу. В воскресенье. Ну что ты говоришь! Есть еще время. Да. Да.

Он посмотрел на Кравцова. Тот, шевеля губами, продолжал изучать сводку по выпуску пластмассы за минувшую пятидневку.

— Может, я сегодня позже буду, — виновато-подобревшим голосом сказал Мишутин. — Ну, не поздно, конечно. Я говорю: позже. Да, отчет.

Он положил трубку и, вернувшись к шкафу, закончил с прической.

За окном сгустились нежно-голубоватые, под цвет асфальта сумерки. Глубокими черными порезами темнели на асфальте лужи.

— А погода, погода! — вздохнул Мишутин. — Весной пахнет, тополями. Еще черт его знает чем. Небось, что ли? Голова кружится.

Он так и стоял у своего заваленного бумагами стола.

Кравцов дочитал до конца абзаца, тоже вздохнул,

Георгий ВАЛОВИК

Интересы меняются

Штурвал повернут на четыре румба,
И каравелла слушает руля.

И закричали спутники Колумба:

— Ура, ребята! Впереди земля!

Мы, повернувши кран водопроводный,

Иначе восклицаем иногда:

— Товарищи! Вот случай превосходный,

Нам повезло, — закапала вода!

Сергей РЕВЗИН

Очевидное — невероятное

1

Режиссеру-сумасброду

Вдруг придумалось новаторство:

Взял сценарий он в работу

Без претензий на соавторство.

2

Водитель за баранкой МАЗа,

Заправясь дозой горячего,

С разгона в столб фонарный вмазал

И стал со злости сыпать фразы

Из Фета, Надсона и Тютчева.

Станислав РОДИОНОВ

Рассказ

ПРО

Я знал, что когда-нибудь Димка об этом спросит, — все дети спрашивают. Но я не знал, что он спросит так, спросит в такое время и спросит в таком месте.

Виктор Семенович пригласил меня с женой и сыном на субботние пельмени. Непосвященному это сообщение покажется шифровкой. Значит, так. Виктор Семенович — мой руководитель. Приглашение в гости означает, что я стану начальником отдела. Ну, а пельмени — это бомбошки из теста с мясом.

Сели мы за стол. Непосвященному это сообщение кажется шифровкой. Значит, так. Виктор Семенович сквозь очки рассматривает мою жену, потому что меня он давно рассмотрел на работе. Его жена сквозь упавший на правый глаз левый локон рассматривает меня. Моя жена рассматривает пельмени — якобы ей очень много положили. Я рассматриваю полную рюмку — якобы всю ее мне не выпить. А Димка никого не рассматривает, уже доедая второй пельмень.

— Ну-с... — начал было хозяин дома.

— Папа, — перебил Димка, — откуда берутся дети?

Все улыбнулись. Непосвященному это сообщение покажется шифровкой. Значит, так. Виктор Семенович улыбнулся случаю проверить сообразительность будущего начальника отдела. Я

заложил подшивку листком бумаги и, мигая маленькими, покрасневшими от усталости глазками, уставился на Мишутину.

— Черт, — сказал Мишутин, — вот так жизнь и проходит. В этих бумагах, в этой пыли...

— Да, — сказал Кравцов и энергично помассировал ладонью сперва красный лоб, затем лысину. Встал, прошелся взад-вперед по комнате. Брюки его были плохо выглажены и топорщились. Под ними угадывалось теплое белье. И опять сел на место.

— Действительно, кружится, — сказал он и вновь углубился в чтение. Закладку аккуратно положил на угол стола.

Мишутин тоже придвинул к себе отчет. Но опять вскочил, нетерпеливо замельтешил по комнате. Остановился за спиной Кравцова.

— А начальство меня не искало?

— Искало. Шмелев тебя вызывал, — сказал Кравцов. — План по расческам недовыполнили опять.

— Врешь!

— Вру.

Мишутин подошел к аппарату, набрал номер. Долго слушал длинные тягучие гудки. Положил трубку. И тут зазвонил телефон.

— Да, — схватил трубку Мишутин. — Да, здравствуйте, — протянул ее Кравцову. — Иди, тебя.

Кравцов поспешно поднялся, принял трубку, прижал к уху.

На лице его появилось выражение детского недоверчивого удивления — словно его изумляло, что трубка может с ним говорить.

Мишутин резко отвернулся, подошел к плакату на стене — кинорекламе «Анны Карениной». Кто-то ему этот плакат подарил, и он наклеил его здесь — для уюта, как объяснил Кравцову. Скодько уж лет прошло! Клей выступил по краям плаката белыми застарелыми пятнами.

— Ничего не тащи, — говорил тем временем Кравцов в трубку. — Я сам все куплю. Ну и что? И у нас цыплят давали. Тебе нельзя поднимать тяжести, ты же знаешь. Ладно. Как всегда.

Он положил трубку и стоял некоторое время, склонясь над аппаратом.

— А бывает, что человек болен, а анализы у него хорошие? — спросил Кравцов.

— Наверно, — сказал Мишутин. — Наверно. Черт бы их драл. И окна заклеены. И топят восью. Как холод — так батареи как лед, как тепло — восью жарят. Вот бы окно распахнуть! Или на море куда-нибудь.

Кравцов уступил ему место у телефона. Мишутин набрал номер.

— Алё, — сказал он. — Татьяну Васильевну можно? Ушла уже? Спасибо.

— Слушай, — обратился он к Кравцову, — ты видел новую секретаршу из отдела перевозок. А?

— Видел, — сказал Кравцов. — Попробуй... Ты еще молодой. Это я уже...

— Да ладно тебе, — отмахнулся Мишутин. — В тихом омуте...

Он подмигнул Кравцову. Тот зарделся. На носу у него пробивались редкие черные волоски.

— Эх, тебе все об одном... А у меня жена опять болеет. Весна — самое тяжелое время.

К И С Л У Ю

улыбнулся от страха, боясь не подтвердить свою сообразительность. Жены улыбнулись рассеянно, потому что тоже не знали, откуда берутся дети.

Я сразу отверг путь материалистического объяснения рождаемости и пошел по другому, по избитому:

— Детей, сынок, находят в капусте.

— В какой капусте?

— В обыкновенной, белокочанной.

— В магазине?

— Почему ж в магазине. На огороде.

— И меня нашли в капусте?

— Разумеется.

— Папа, у нас же нет огорода.

— А мы нашли тебя в колхозной капусте.

— И что я там делал?

— Сидел на кочанчике, прыз себе кочерыжку...

— Ну, откуда же у него зубы? — не вытерпела жена.

Все, кроме Димки, улыбнулись. Непосвященному это сообщение покажется шифровкой. Зна-

— Авитаминоз, что ли? — спросил Мишутин.
— Не только. Организм с одних условий на другие перестраивается...

— И хорошо, что перестраивается! — подхватил Мишутин. — Ох, как хорошо, что перестраивается! — Он сел на стол и по-мальчишески заболтал ногами. — Вот бы сейчас это окно к чертовой бабушке выставить и дышать, дышать...

Почти совсем стемнело. По тротуару бежали черные букашки пешеходов, по мостовой — светляки машин. Светофор мигнул — будто круглая красная капля скатилась вниз, став на секунду желтой и сразу затем зеленой.

— Ты не знаешь, что сейчас интересного в кино идет? — спросил Кравцов.

— Не знаю, — пожал плечами Мишутин.

— Жена просит ее в кино сводить. Я слышал, «Последний выстрел» хорошая картина.

— Да, говорят.

Снял трубку и долго крутил диск. Потянулись гудки — густые, как у паровозов его детства. Нажал рычажок, отпустил, набрал единицу, за ней, помедлив, два нуля.

Противный механический голос сообщил:

— Семнадцать часов тридцать девять минут.

— Двадцать минут еще маяться...

Кравцов читал, не слышал. Лысина поблескивала натянутой розовой кожей. Похоже, веснушки на ней стали выступать. Или старческая пигментация? У матери Мишутина такие высыпали на руках.

Мишутин достал из портфеля книгу, которую читал дома и в дороге, положил перед собой на стол. Слева, вплотную к книге, положил развернутый график, — чтоб книгу прикрыть, если войдет начальство.

Что-то там происходило. Кто-то за кем-то гнался, стреляли.

Телефон молчал.

Из коридора послышались голоса и шум шагов.

— Мы красная кавалерия, — негромко и между нот (слух у него начисто отсутствовал) запел Кравцов.

Убрал папки в шкаф, бумаги — в стол. Мишутин это слышал, но от книги не отрывался.

— Ну, я пошел, — сказал Кравцов, нахлобучивая растрепанную кроличью ушанку и подхватывая вместительный портфель, который он в шутку называл «мыкальником».

Мишутин поднял глаза, чуть-чуть повернулся к Кравцову, как бы с удивлением его здесь, рядом, обнаружив, потом перевел взгляд на часы.

— Ух ты! Время уже... А я зачитался... Ничего детективчик.

Он потянулся на своем рабочем стуле — хрустнули затекшие косточки.

Кравцов взглянул пронизательно ему в спину, но ничего не сказал.

Он вышел. Мишутин еще посидел над книгой. Потом повернулся к Карениной.

— Эх ты, — сказал он.

Подождал еще немного. И вдруг увидел: за окном посыпал, посыпал крупный редкий снег.

Мишутин снял трубку, набрал номер:

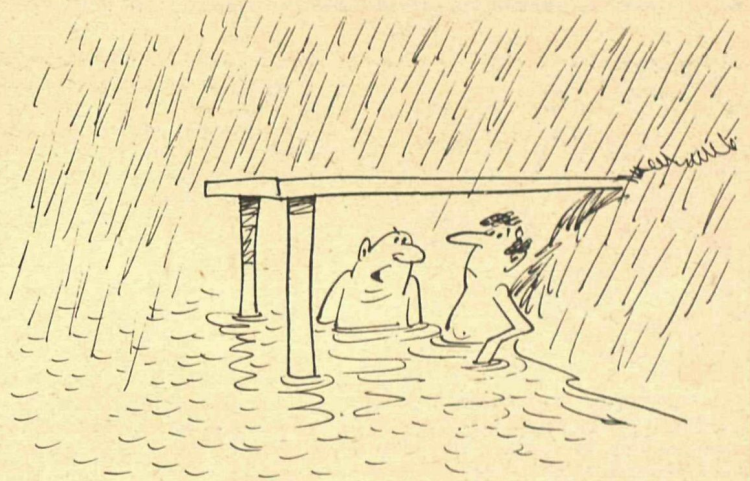
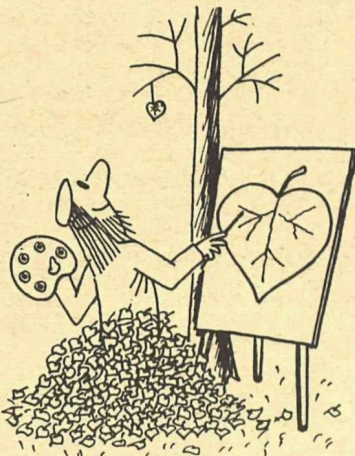
— Алё. Да. Да. Домой, — сказал он. — Да. Все за кончил. Хлеба купить? Хорошо.

— Вечно с тобой попадешь под дождь!

Рисунки А. АЛЕШИЧЕВА и В. ВЛАДОВА

— Надоело, весь отпуск дожди.

КАПУСТУ

чит, так Виктор Семенович улыбнулся, видимо, представляя, какой у него будет начальник отдела. Его жена улыбалась, представляя грудного Димку на кожанчике. Моя жена улыбалась, чтобы скрыть злость на меня. Я улыбался, бешено придумывая, как выйти из положения. И вышел:

— Сынок, я перепутал капусту. Находят не в свежей, а в кислой.

— И меня в кислой?

— Чем же ты лучше других...

— В капусте из магазина?

— Конечно, сами-то мы не квасим.

— А там капусту хранят в чем?

— В бочках.

— И я сидел в бочке?

— А чего особенного.

— Без одежды?

— Ну, в этих, колготках...

— Сидел в рассоле?

— Кто же разрешит младенцев сажать в рассол? — опять не вытерпела жена.

Все улыбались. Непосвященному это сообщение покажется шифровкой. Значит, так. Виктор Семенович, видимо, оттого, что меня раскусил. Его жена улыбалась, видимо, оттого, что мы не ели пельменей и они все были целы. Моя жена улыбалась потому, что думала, какой я ду-

рак. Я же улыбался, чтобы сдержаться и не надать под столом Димку ногой.

— Пап, а откуда же берутся дети там, где капуста не растет?

— А где капуста не растет?

— На Крайнем Севере.

— Ну, кислую-то капусту туда завозят.

— А в чем?

— Наверное, в цистернах...

— И дети в цистернах?

— Ну, дети, наверное, едут в купированном вагоне.

— А откуда же они взялись в вагоне?

— Наловили в цистерне...

— Ну что ты мелешь? — вспыхнула жена.

Все рассмеялись. Непосвященному это сообщение покажется шифровкой. Значит, так. Рассмеялись не все. Потому что Виктор Семенович задумчиво чесал бородку. Потому что его жена задумчиво ковыряла кислую капусту. Потому что моя жена задумчиво жгла меня взглядом. Потому что я сидел кислый, словно наелся этой самой капусты. Потому что Димка готовился выпустить в родного отца очередной подлый вопрос. Но его выпустил в меня Виктор Семенович:

— А вас тоже нашли в кислой капусте?

— Его в соленых огурцах, — ответила моя жена.

Виктор Семенович подмигнул Димке:

— Пойдешь ко мне начальником отдела? Будешь своими вопросами проверять интеллект сотрудников.

Если слова моего начальника кому-нибудь покажутся шифровкой, то я их расшифровывать не собираюсь.

— К занятиям я готова, осталось узнать, какие сегодня уроки.

Все школьные годы уроки русского языка и литературы были для нас наслаждением. И только недавно я узнал, почему наша Ирина Ивановна, у которой мы даже тройки стыдились получать, так рано постарела. ...Витюнчику многие из нас завидовали. Со скучными логарифмами, синусами или законами Ньютона он был на дружеской ноге. Но русский и литература для него всегда оставались китайской грамотой. Вообще это странно, потому что Витюнчик родился и вырос не в каком-то тридцатом государстве, а на нашей Гороховской улице и, между прочим, в интеллигентной семье.

Даже самую простую фразу «Лошади щипали траву» он выворачивал как-то несообразно: «Трава щипалась лошадьми». Есть несколько десятков курьезных фраз из школьных сочинений, которые известны по всей стране. Например:

«Анна Каренина бросилась под поезд, и он долго влачил ее жалкое существование».

«Пушкин вращался в светском обществе и вращал свою жену».

«Отелло рассвирипело и задушило Дездемону».

Это вышло на уроках из-под пера Витюнчика. Мы завели тетрадку для записи его перлов, потом из нашей школы они разлетелись по свету.

Ученики, слабо знающие предмет, сидят тише кроликов, а Витюнчик на уроках Ирины Ивановны всегда тянул руку, вызываясь делать литературные доклады, даже позволял себе спорить с Ириной Ивановной. Мы хватались за бока, узнавая от него, что «мавра — это мавр женского

рода», а Ирина Ивановна из-за его активности не всегда находила в себе силы ставить ему двойки.

В десятом классе мы много говорили о будущем.

— А ты кем хочешь стать? — спросила его Ирина Ивановна.

— Журналистом! — гордо ответил он.

Ирина Ивановна медленно опустилась чуть не мимо стула и минуту сидела с закрытыми глазами.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказала она наконец.

— Пожурим — увидим, — не то сострил, не то снова напугал он. — Вы про меня еще услышаете.

Ирина Ивановна снова закрыла глаза.

Какое-то время после школы я ничего не знал о Витюнчике. Но однажды в газете мне попала заметка, под которой стояла его фамилия. Я не обратил бы на это внимания: его фамилия знаменита своей распространённостью, — но одна фраза заставила меня о нем вспомнить. О

«В закрытом грунте создано шесть звеньев женщин, в открытом — четыре».

«Так, например, план работы площади существует только на бумаге, хотя он и выполняется».

«Особенно сложно воспитывать ребенка без отца, или если он — единственный».

«Несколько лет в учебном заведении ведется подготовка квалифицированных кинофикаторов. Теперь юноши и девушки, закончив училище, смогут без труда работать в кинотеатрах города и области».

О том, что все это творчество нашего Витюнчика, я узнал при случайной встрече с бывшей учительницей.

— Вы помните, он всегда был самоуверенным упрямым, — сказала Ирина Ивановна. — Но я не знала, что он еще и жестокий. Знаете, что он делает? Присылает мне каждую свою публикацию. Мне кажется, это он делает в отместку: «Вы говорили,

речь ее от боли, невзгод и всего-всего, что зовется словом жизнь».

«Жительница города Анна Азаркина уже давно перешагнула тот возраст, который называют молодостью, однако ничего полезного, кроме пристрастия к спиртному и нежелания трудиться, она не приобрела».

— Одно из этих «полезных» качеств, — иронически сказала Ирина Ивановна, — у него приобрели даже коровы:

«Сейчас даем корове в сутки: два килограмма сена, двенадцать силоса, два килограмма концентратов и по сто граммов на выдоенный литр молока».

— Насколько я поняла, коровам подносят по стопке в награду за каждый литр молока. Высокоудойные ведь сопьются!

«В творческом плане Николаю Крючкову везло... Ему предлагали роли механизаторов и шахтеров, вставших в арьергарде социалистического соревнования...»

— Ну, арьергард-то, наверное, про-

Н. МОНАХОВ

ОТЕЛЛО РАССВИРИПЕЛО ...

передовом рыбаке автор написал: «Яркин переловил многих рыбаков, которые в два-три раза моложе его. Побольше бы таких пенсионеров».

Заметки и статьи, подписанные фамилией Витюнчика, начали появляться чаще и становились крупнее. И всякий раз мне казалось, что я снова в школе и читаю очередное сочинение нашего Витюнчика, которое ходит по рукам одноклассников. От этого впечатления было невозможно отделаться, встречая такие фразочки:

«В кафе «Уза» талоны на обеденную продукцию выписываются буфетчицами произвольной формы, не пронумерованными и не проштампованными».

что я не стану журналистом, так вот вам!» Я была бы счастлива за него, но каково мне, много лет учившей его русскому языку, читать вот это?

«Были ли основания не верить этому студенту, скрепленному печатью и подписями руководителей предприятия!»

«Помещение, где содержатся коровы, строили для телят с канальным навозоудалением».

«В спортивном зале СамГУ прошло открытое лично-командное первенство детско-юношеской спортшколы по борьбе Самаркандского горона среди подростков».

«Отличный диагностик, он понимает, что творится в душе этой девочки. Настоящий врач, он хочет убе-

сто типографская опечатка, — вступился я за Витюнчика, только чтобы успокоить Ирину Ивановну.

— Ах, — вздохнула она. — Он и на уроке, помню, бухнул: «Все отсталое плелось в авангарде». И остался верен себе:

«Четыре, в лучшем случае пять станков, в состоянии обслуживать любая, даже самая передовая ткачиха».

«Глядя на нее, я всегда по-хорошему завидую ее энергичной целеустремленности. Думаю, что она — из тех, кто сам умеет работать вполсилы и в ребятах стремится разбудить желание так же работать».

— Я еще могу допустить, — про-

Вадим ЛУЦЕНКО

МИНИАТЮРЫ

В центре внимания

Он обожает
быть на видном месте —
всегда,
везде,
в каком угодно виде.
Он был бы рад
на свадьбе стать невестой
или в гробу лежать
на пышной панихиде.

К вопросу о незаменимости

Попробуй замени того,
кто отродясь не делал ничего...
Ты пальцем шевельнул — и, значит,
уже не справился с задачей.

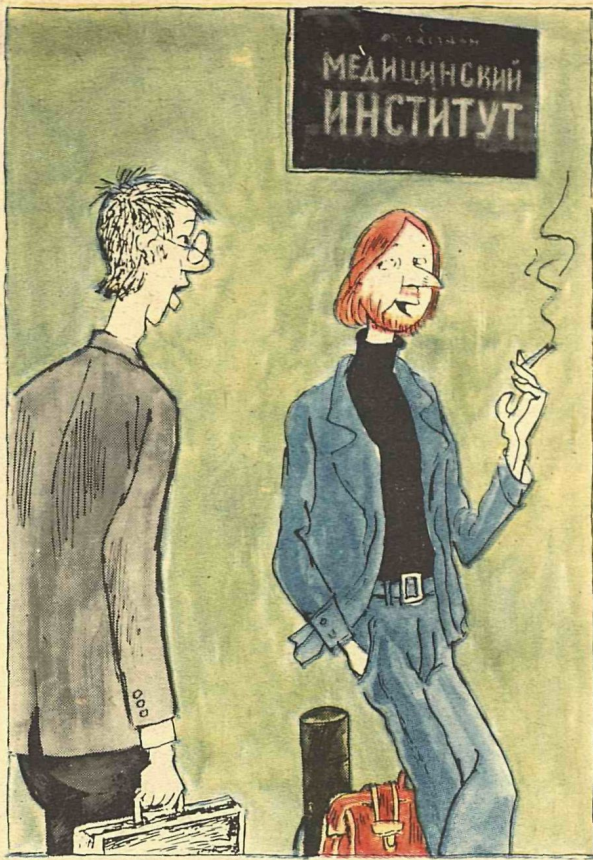
Магомед НАСРУЛАЕВ

Любовь

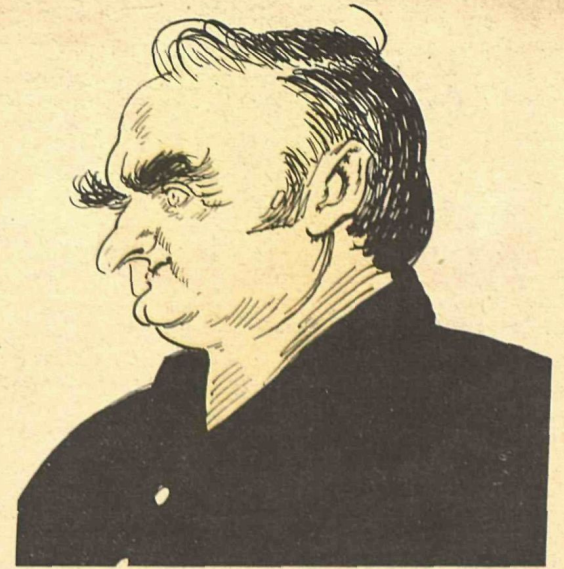
Зажигала любовь
Жаркий пламень
в крови,
Но, обжечься боясь,
Избегал я любви.
Стал я старше, мудрей.

Не бегу от огня,
Да теперь уж любовь
Избегает меня.

Перевел с аварского
Виктор КОЛЛЕГОРСКИЙ

— Ты как попал в институт?
— По конкурсу...

Юрий Васильевич АНДРЕЕВ

(к 50-летию
со дня рождения)

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА

Рисунок юбиляра

должала Ирина Ивановна, — что опечатка здесь:

«Ведь медсестра — это и вовремя оказанная профессиональная помощь больному, и просто хорошая штука, поднимающая его настроение».

— Очень хочу надеяться, что превращение «шутки» в «штуку» — невольная шутка типографии. Кстати, я слышала, журналисты шутливо называют опечатки «очепатками». Но все это, — Ирина Ивановна подала мне пачку газетных вырезок со статьями Витюнчика, по которым прогулялся ее красный карандаш, — не опечатки типографии, а «очепатки» его авторского мышления.

«Конечно, после окончания института долго нельзя задерживаться на рабочем месте, иначе рождаются нежелательные качества, в том числе начинает наблюдаться какой-то застой».

«Кто уже закончил работу, кто близок к концу. Людмила Деменская из Вологодской швейной фабрики не замечает этого. Она увлеченно продолжает шить».

«Сказываются также личная невоспитанность, недисциплинированность работников. А, как известно, такие качества сами по себе не появляются. Их нужно прививать человеку».

«Свою работу она выполняет слаженно и умело. Всегда веселая и вежливая, а ведь у Надежды Ивановны трое детей».

«На дворе в разгаре осень. С каждым днем все сильнее чувствуется дыхание весны».

— А последнее мне даже понравилось, — покривил я душой ради утешения Ирины Ивановны. — Это лирично, как в романсе. Помните?

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною...

— ...и что-то встрепенется в нас, — грустно улыбнулась Ирина Ивановна. — Да, он всегда любил блеснуть красным словом. А во мне, мало сказать, встрепенется, что-то даже преворачивается, когда я читаю его «красивости»:

«За окном шумит улица. Из кухни доносится аромат чуть подгоревше-

го кофе. На книжной полке, прижавшись, стоят Скотт, Горький, Бальзак, Моруа».

— А как он расхвалил новую мебель! Просто мороз по коже!

«Не только стулья и кресла, но и шкафы, диваны, еще недавно подавлявшие своей массивностью, неподвижностью, сегодня начинают, подобно гробу в гоголевском «Вие», срываться со своих мест и либо «уходят в стены», либо кочуют по квартире на специальных колесиках или других подобных устройствах».

«Театр начинается с гардероба. Старая, давно известная истина. Но, увы, не всякий театр начинается с гардероба, а только тот, на спектакли которого идут с затаенным ожиданием встречи с самовыражением людей нескудеющего духа».

«Константин Эдуардович очень любил музыку, помогавшую ему жить и творить. Он спел колыбельную песню космонавтике».

— Колыбельную поют, чтобы убаюкать, — прокомментировала Ирина Ивановна. — А разве Циолковский убаюкивал космонавтику? Наоборот, он ее разбудил!

— В школе, — продолжала она, — чуть ли не каждая вторая фраза в его сочинениях и ответах на уроках прибавляла мне по седому волосу. После вашего выпуска цвет волос у меня как будто начал восстанавливаться, но теперь с каждой бандеролью от него опять...

— Вы отвечаете ему?

— А как же! Я подчеркиваю все нелепости в его статьях, объясняю, почему, та или иная фраза неправильна. Он всякий раз благодарит меня, сообщает, что мои, как он выразился однажды, «отеческие» советы помогают ему совершенствовать его «стило», и просит «попробовать новые блюда» его «творческой кухни», снова приготовленные по рецепту ноздревского повара: катая-ваяй, было бы горячо, а вкус (смысл) какой-нибудь, верно, выйдет.

Ирина Ивановна положила в свой старенький портфель, знакомый мне еще со школьных лет, толстый пакет.

— Пойду на почту отправлять свои

замечания. Но, по-моему, это бесполезно. Наверное, я плохая учительница русского языка.

Черт возьми, Витюнчик вполне заслуживал, чтобы поговорить с ним по-мужски! Случай представился, когда он приехал в командировку в наш город и пришел на вечер встречи нашего класса. Как бывшие одноклассники мы без церемоний высказали Витюнчику наше читательское мнение о его «творческих блюдах» и потребовали не терроризировать ими нашу Ирину Ивановну.

Он пожал плечами.

— Но она же все равно будет читать меня в газетах. И потом... Знаете, я не Лев Толстой.

— Это правильно! — радостно подтвердили мы.

— И я творю не для вечности, а держу вас в курсе событий нашего стремительного века. Поэтому я пишу, пожалуй, не меньше, а больше Льва Толстого.

— А как тебе удалось стать... не Львом Толстым?

Витюнчик снисходительно усмехнулся:

— Я окончил факультет журналистики.

— Неужели? — ахнула, почему-то просияв, подошедшая Ирина Ивановна. — И с тобой там не поступили так, как с теми студентами, о которых ты однажды писал?

«После каждого пробела «слабых» студентов преподаватели ликвидировали на дополнительных занятиях».

Ирина Ивановна в состоянии явного блаженства забормотала:

— Значит, я не виновата... И там тоже не смогли его научить. Я не виновата...

* * *

Я с большим сожалением вынужден сообщить, что Витюнчик — лицо вымышленное. Один такой пират пера — это было бы еще терпимо. Но все процитированные перлы принадлежат разным авторам и появились в газетах «Ленинский путь» (Тюменская обл.), «Заветы Ильича» (Пензенская обл.), «Маяк» (Краснодарский край), «Строитель» (многотиражная газета треста «Зимахим-

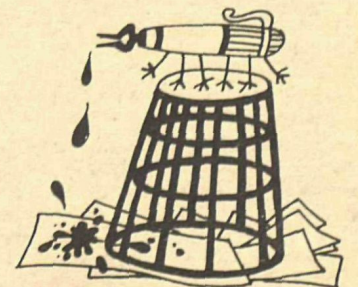
строй»), «Вечерний Ростов», «Тагильский рабочий», «Молодой коммунист» (г. Орджоникидзе), «Колос» (Челябинская обл.), «Ленинский путь» (Самарканд), «За коммунизм» (г. Тольятти), «Днепр вечерний» (Днепропетровск), «Призыв» (Вологодская обл.), «Ангарская правда», «Ленинское знамя» (Электросталь), «Металлург» (многотиражная газета Гурьевского металлургического завода), «Заря коммунизма» (Окуловка), «Тюменская правда», «Темиртауский рабочий», «Слава труду» (Тюменская обл.), «Спутник» (Волгоград), «Лужская правда», «Знамя» (Калуга), «Иртыш» (Семипалатинск), в журнале «Физкультура и спорт».

«На некоторых общественных папсеках и у пчеловодов-любителей еще осенью наблюдалась большая заклещенность», «Октябрь» (Таруса).

Если по примеру одного автора «прибегнуть к достаточно фигуральному выражению», надо, увы, признать, что «заклещенность» (словесная) частично наблюдается и на печатных страницах. Ежегодно читатели присылают для раздела «Нарочно не придумаешь» до пяти тысяч газетных и журнальных ляпсусов. Жертвой этой «заклещенности» становятся и читатели и нередко те, о ком пишут Что тут посоветовать?

«Ведь для того, чтобы завтра достичь больше, чем сегодня, надо уметь видеть свои просчеты, брать их на заметку и устранять, чтобы они стали новым шагом вперед».

Что? Вам этот совет кажется не очень толковым? А я позаимствовал его из газеты «Дальневосточный моряк». Я тут совершенно ни при чем.

Улыбки

Йордан ПОПОВ (Болгария)

Поединок

Иван Ангорский и Драган Плачков получили квартиры в новом доме, причем на одной лестничной клетке. Сначала они ходили друг к другу в гости, смотрели, как благоустраиваются жилища, и делились планами на будущее. Потом они вдруг обнаружили, что обилие дверей одним и тем же дерматином, — перестали разговаривать, а вскоре и вовсе перешли на положение враждующих сторон.

Первым бросил вызов Ангорский. Он привез плитку небесно-голубого цвета, которую ему продали как византийскую. Плачков ответил на вызов римской мозаикой.

Ангорский глубоко вздохнул, поиграл желваками, снял с книжки сбережения и украсил одну из комнат охотничьими трофеями, которых сам никогда не добывал. На стене висели оленины рога, на полу лежала слегка побитая молящая медвежья шкура, а в клетке крутился зеленый попугай и выкрикивал: «Плачков, чтоб ты сдох от зависти!».

Издевательство заморской птицы лишило Плачкова сна. Две ночи подряд он проворочался, не смыкая глаз, и решил переделать ванную. В стене выдолбили нишу, и он поставил туда аквариум с декоративными рыбками.

У Ангорского подскочило давление. Он готовился ко всему, но толь-

В лондонском Сохо на краю тротуара сидит маленький мальчик, курит и прихлебывает из бутылки. Проходящая дама в ужасе спрашивает:

— А почему ты не в школе!
— А где это вы видели, чтобы пятнадцатилетние дети ходили в школу!! — возмущается мальчуган.

ко не к аквариуму в ванной. Через неделю, когда давление удалось сбить, он подвесил к потолку огромную люстру, которую купил в комиссионном магазине. Когда он грузил люстру, все продавцы и директор рыдали: люстра провисела у них несколько лет, и все привыкли к ней.

Но этот удар не свалил Плачкова. Плачков люстру выдюжил. Тут же последовал быстрый выпад: новый звонок. Достаточно было нажать на кнопку, как звонок начинал играть торжественный марш из оперы «Аида». Сраженный маршем, Ангорский на этот раз ничем не ответил.

Плачков торжествовал. Долгов у него, правда, было выше крыши, но и противник, видно, исчерпал все свои стратегические ресурсы. Чтобы закрепить победу, Плачков приобрел в рассрочку два кресла, обтянутых синтетическим леопардом. Казалось, можно было торжествовать победу... Но, оказалось, торжествовать было рано.

Ангорский пригласил к себе двух художников — монументалистов, и те расписали ему большую комнату фресками. На стенах появились узловатые моменты из жизни Ивана Ангорского: сцены его рождения и крещения, учебы в школе, службы в армии, знакомства с Боянкой — его будущей женой, свадьбы и, наконец, торжественного акта вручения ордера на новую квартиру.

Плачков был смят, повержен в прах, растоптан, убит, лишен смысла жизни и надежды. Горечь поражения привела его в хозяйственный магазин, где он купил капроновый шнур. Жить не было смысла, и он твердо решил повеситься. Плачков спустился в подвал, вбил в балку под потолком толстенный гвоздь и сунул голову в петлю. Но гвоздь согнулся, шнур лопнул, и Плачков тяжело шлепнулся на пол.

Ангорский посмеялся над незадачливым и униженным соседом и в тот же день купил стальной крюк и настоящую пеньковую веревку.

Перевел А. КУЗЬМИН.

После воскресного богослужения прихожанка забыла в церкви сумочку. Она вернулась за нею, но ее уже не было. Оказалось, что ее взял пастор.

— Я решил, что лучше я спрячу ее и передам вам. Ведь есть прихожане, которые могли посчитать вашу сумочку ответом на молитву.

«Траву не топтать». Но все наши усилия были тщетны. Трава оказалась вытопанной, скамейки разбиты, урны перевернуты. Часть экспонатов в музее была повреждена, остальные просто исчезли. Окружающей среде нанесен огромный урон. Таким образом, приходится констатировать, что принятые меры оказались явно недостаточными. Может быть, если бы туристов было человек тридцать—сорок, мы еще как-то справились с ними, но увы...

— А если завернуть шоссе в горы, к козьим тропам, которые ведут к пропастям? — задумчиво спросил первый помощник мэра.

— Мне кажется, — кашлянул начальник полиции, — полумерами не обойдешься. Лучше было бы атаковать туристов из засады в момент приближения к городу. У нас есть неплохие стрелки...

Разных

Вдова получила 50 тысяч франков — стоимость страховки жизни ее мужа. Рыдая, она сказала:

— Боже, я так любила Роберта! Я с удовольствием отдала бы половину этих денег, только бы он снова был со мной.

— Дорогой, не сможешь ли ты мне вымыть посуду!

— У меня сегодня был безумно трудный день, и я адски устал.

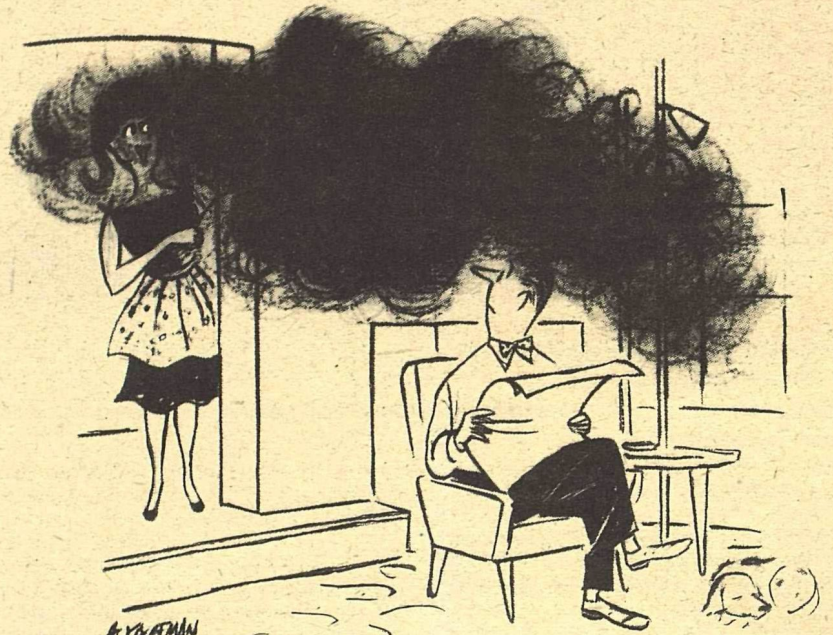
— Я хотела только проверить тебя, дорогой, посуда давно вымыта!

— Дорогая, я пошутил. Я охотно помог бы тебе.

В лондонском метрополитене Джон спрашивает у Джима:

— Кто этот человек, с которым ты так тепло поздоровался!

— Понятия не имею, но сейчас я загляну в его бумажник, там должна быть визитная карточка...

— Обед готов, дорогой.
«Бостон глоб», США.

Слова, слова...

Стоит только посадить обезьяну в клетку, как она начинает чувствовать себя птицей.

Шутка зоосадовских обезьян.

У него есть сила воли, которую он не может употребить из-за лени.

Из древнеримской характеристики, найденной при раскопках Помпеи.

Хорошо поставленное дело очень трудно сдвинуть с места.

Фольклор византийских бюрократов.

Сколько сомнений не успело зародиться, став истинами!

Жан Ивон, французский философ.

МОНЧО (Испания)

Заседание

Муниципальный совет маленького претестного городка Вилланува ля Вьехо собрался в полном составе. Мэр потряс колокольчиком, обвел всех взглядом, медленно поднялся и тихо сказал:

— Наступает туристский сезон... Все замерли. Наступило гробовое молчание.

— Вспомните, что было в прошлом году! — продолжал мэр. — Конечно, мы принимали меры. Если вы помните, мы повесили в музее таблички «Руками не трогать», а в парке —

— Нет, друзья, — покачал головой мэр, — эти меры могут оказаться эффективными в самом начале, но потом поток туристов сомнет засаду и протопчет новые шоссе. И потом, не надо крови! Мы желаем жить в мире как с окружающей средой, так и с прокуратурой. Есть такое предложение: развесим и расставим повсюду предупредительные знаки: «Вода отравлена», «Опасная зона» и так далее. Буквы должны быть такого размера, чтобы таблички легко читались километра за три, прямо с дороги. Вы хотите что-нибудь добавить? — спросил мэр своего второго помощника.

— Таблички — это, конечно, хорошо, но неплохо было бы выкопать противотанковые рвы, желательные такие, чтобы их нельзя было преодолеть даже на тракторе, если это кому-нибудь придет в голову. Чтобы

вообще никак нельзя было преодолеть эти рвы.

— Но как быть с нашими людьми? Их ведь нельзя оставить без всякой связи с внешним миром.

— Что делать! — пожал плечами помощник. — Запасемся продуктами. В крайнем случае жители будут пробираться козьими тропами. Подготовим проводников... Главное — уберечь нашу окружающую среду от туристов. Для этого мы готовы принести определенные жертвы. Я надеюсь, что пять или шесть противотанковых рвов, выкопанных метров через пятьдесят один за другим и заполненных водой, не позволят пройти ни одному туристу. Памятники культуры будут спасены.

Присутствующие разразились аплодисментами.

Перевел К. Валери.

Обида

Рассказ

Где и когда я познакомился с Васей, точно не помню. Я и фамилию-то его не знаю, просто Вася, и все. Но мы с ним на «ты», хотя видимся редко и каждый раз по его инициативе. Он вдруг возникает в дверях с широкой, до ушей, извиняющейся улыбкой: прости, мол, что долго не был.

Узнав, как жизнь, как здоровье, он обязательно задаст вопрос. Всегда разный и в то же время всегда одинаковый:

— Тебе автомобильного масла марки М-14 для «Жигулей» не надо? Могу канистру налить...

— Зачем? У меня, ты знаешь, машины нет.

— А может, кому из соседей пригодится? Я на пружовичке заскочил. Две бочки чистейшего итальянского масла. На завод везу. Не веришь? Вот наряд. Только что на центральной базе получил.

В другой раз, после ритуальных «как жизнь, как здоровье»:

— Гибкий шланг для душа не нужен?

— Да нет, старый хорошо действует.

— А твоим друзьям не требуется? Позвони по телефону, спроси, я подожду. У меня внизу в машине этих шлангов навалом. По пути захал. Думаю, вдруг у тебя нужда в них. Нет? Жаль.

То он предлагал фруктовые саженцы, то уговаривал взять щенка-овчарку, так как у него «в машине этих щенков до упора. Слышишь, скулят?...», то соблазнял широкоформатной пленкой, а то доказывал, что мне совершенно необходим бидон «Циакрина», универсального клея, который может соединить намертво даже железо с живым телом!

Однажды Вася возник в дверях, радостный до невозможности. Широкою улыбкой можно было завязать узлом на его затылке. Он пренебрег этикетом и, не спросив о здоровье, сразу выпалил:

— Совершенно новый подъемный кран, а?

— Что «кран»? — не понял я.

— Может, приспособишь? Внизу стоит, во дворе. Я три штуки перебрасываю на стройку. Ты поспрошай, вдруг кто из родственников или хороших знакомых дачу строить собирается? А кран — куда лучше-то?

— Нет, что ты! Ни у кого из моих знакомых и денег таких нет!

И тут я увидел, как Вася побледнел.

— Чего н-н-ету? — заикаясь, спросил он. — Ты о чем? Какие деньги? Да ты за кого меня принимаешь? Я же из добрых чувств, от души просто, бескорыстно, понял? Все равно еду мимо и все равно в машине чего-нибудь везу. Почему же не сделать человеку добро? А с тебя мне ничего не надо. Бутылку поставишь, и все дела...

С тех пор он ко мне больше не заглядывал. Вот так, не подумав, можно на всю жизнь обидеть человека.

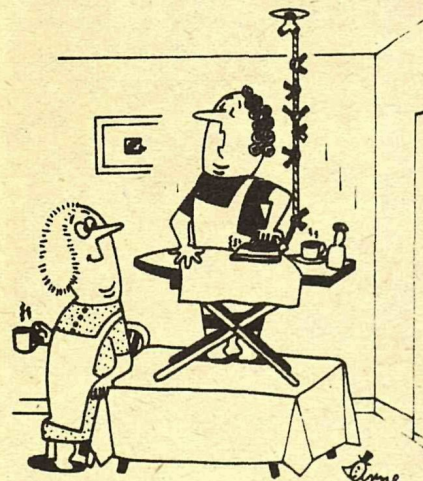
— Не уплывай далеко, обед сейчас будет готов!

«Бунте иллюстрирте», ФРГ.

— Не плачь так горько из-за того, что родители против нашего брака, я найду себе другую невесту.

«Сё», Швеция.

— Мой муж сам чинит все электрические приборы в доме.

«Дейли скетч», Англия.

Автошарж

Геннадий СЕРДИТОВ

Интервью

Рассказ-пародия

Человек редкой профессии — испытатель мужской одежды. Ранняя седина, шрам на щеке.

— Как вы стали испытателем?

— С детства уважаю риск. Был верхолазом, бухгалтером, взрывником. Потом предложили это дело. Согласился и не жалею. Должен же кто-то рискнуть и первым надеть на себя новую модель. Вот мы и надеваем. И выводим ее на большую дорогу.

— Что вы при этом испытываете?

— Мы испытываем большую ответственность. Кроме того, у ливневых ларьков и театральных касс испытываем рукава и воротники, в универмагах — пуговицы и подкладку. Если надо, прыгаем в огонь и воду, пролезаем сквозь медные трубы.

— Это, наверное, трудно — рисковать каждый день?

— Самое трудное в нашем деле — это не риск, а повседневная работа. Например, многодневные испытания на промерзание, грязеобрызгивание и на это... простите... на голубиный помет.

— Вам никогда не хотелось сменить профессию?

— Предлагали тут... В каскадеры. Но спокойная жизнь не по мне...

— Припомните какой-нибудь интересный случай.

— Иду я раз на задание, помню, еще пуговицы на пальто были автоматом поставлены, а одна, контрольная, пришита тетей Пашей. Вдруг с девятого этажа что-то — бах! — и на тети Пашиной пугови-

це повисает авоська с продуктами. Остальные пуговицы, конечно же, точно ветром сдуло. Гляжу, а за авоську еще и девушка держится. Вот с такими глазищами. Слово за слово, познакомился. Теперь мы с Катей все пуговицы отдаем пришивать только тете Паше.

— Как жена относится к вашему ремеслу?

— Переживает, конечно. Особенно, когда я по программе должен идти в рюмочную. Или в ресторан. Например, испытывать вечерний костюм. Ну, а про ночные испытания и говорить нечего... Жены — они и есть жены. Нам работа — романтика, а им — вечные ожидания.

— Знакомо ли вам чувство страха?

— Знакомо... Как-то довелось мне помогать соседней бригаде. Вот где действительно нужны нервы из проволоки!

— Что же это за работа?

— Испытания женской одежды...

Лицо его становится суровым, заметнее проступает шрам на щеке. Я невольно люблю его им...

г. Ленинград.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:

101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

№ 26 (2324)

СЕНТЯБРЬ

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, Р. Т. КИРЕЕВ, А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор), Г. О. МАРЧИК, Н. И. МОНАХОВ, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, С. С. СПАССКИЙ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (ответственный секретарь).

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Владов, В. Гинунов, Р. Друман, В. Левонюк, В. Мохов, Л. Филиппова, Е. Шабельник, Л. Шарифжанова, Ю. Черепанов.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18.VIII.80. Подписано к печати 26.VIII. 80. А 06643. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1—3 870 997). Изд. № 2217. Заказ № 2883.

© Издательство «Правда». «Крокодил». 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

«Осуждение» Вашингтоном злодеяний антина-
родных режимов Чили, Парагвая, Боливии, Сальва-
дора носит явно лицемерный характер, поскольку
сами США обучают и подкармливают реакционную
военщину Латинской Америки.

— Ну, рассказывай, что ты там у себя натворил?!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО